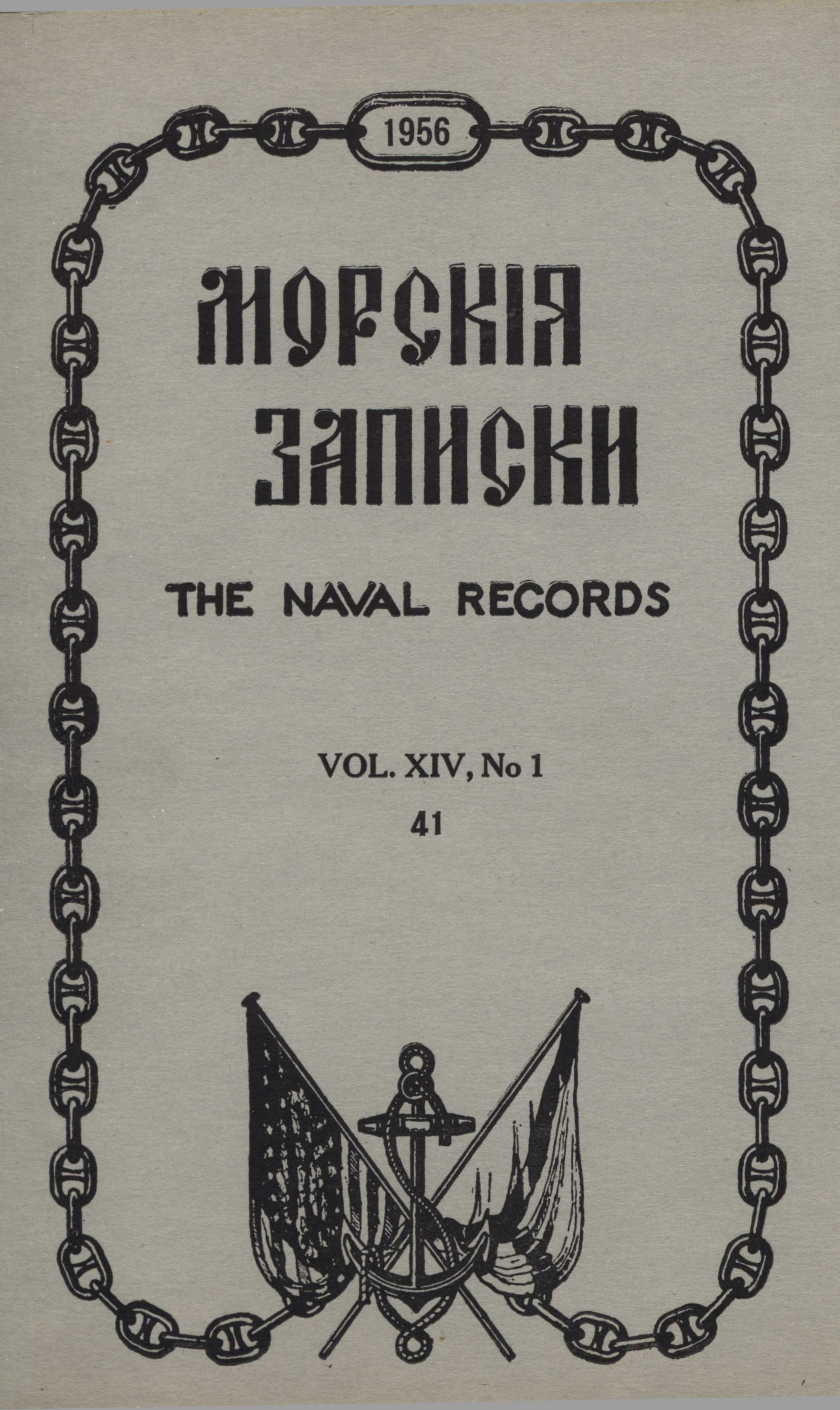

1956
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XIV, No 1
41

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.
465 Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS
Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.
G. N. Taube, Editor.
465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

Vol. XIV, № 1 (41) **Price $ 3.00 yearly** April, 1956.

Содержаніе: / **Contents:**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ начала изданія „Морскихъ Записокъ" въ 1943 г. редакціей была принята система нумераціи, по которой годъ изданія обозначался „Томомъ", а число годовыхъ выпусковъ — „Номерами". Предполагалось, что каждый томъ будетъ состоять изъ 4-хъ номеровъ. Однако, финансовыя затрудненія принудили редакцію сокращать число выходящихъ номеровъ въ зависимости отъ имѣемыхъ средствъ. Поэтому, иногда выпускались двойные номера и въ 1952 и 1953 г. г. пришлось ограничиться двумя номерами въ годъ. Нерегулярный выходъ „Записокъ" привелъ нѣкоторыхъ подписчиковъ къ заключенію, что не всѣ вышедшіе номера (гл. обр. 4-ые) ими не были получены. Поэтому, въ будущемъ, кромѣ „Тома" и „годового выпуска", въ каждомъ выходящемъ номерѣ будетъ указываться и порядковый номеръ съ начала изданія.

Настоящій номеръ, Томъ XIV, № 1 — получаетъ порядковый № 41.

Для удобства подписчиковъ, ниже сего приводится полный списокъ порядковыхъ номеровъ.

1943. VOL. I, No. 1 (1), No. 2 (2), No. 3 (3), No. 4 (4), No.5 (5).
1944. Vol. II. No. 1 (6), No. 2 (7), No. 3 (8), No. 4 (9).
1945. Vol. III. No. 1 (10), No. 2 (11), No. 3 (12), No. 4 (13).
1946. Vol. IV. No. 1 (14), No. 2 (15), No. 3/4 (16).
1947. Vol. V. No. 1 (17), No. 2 (18), No. 3 (19), No. 4 (20)
1948. Vol. VI. No. 1 (21), No. 2 (22), No. 3/4 (23).
1949. Vol. VII. No. 1 (24), No. 2 (25), No. 3/4 (26).
1950. Vol. VIII. No. 1 (27), No. 2 (28), No. 3/4 (29).
1951. Vol. IX. (30).
1952. Vol. X. No. 1/2 (31), No. 3 (32).
1953. Vol. XI. No. 1/2 (33), No. 3 (34).
1954. Vol. XII. No. 1 (35), No. 2 (36), No. 3 (37).
1955. Vol. XIII. No. 1 (38), No. 2/3 (39), No. 4 (40).

Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

(Опытъ біографіи)

Свято храня память вождей Русскаго Флота, имена коихъ осѣнены громомъ его побѣдъ подъ сѣнью Креста Святого Андрея Первозваннаго, исторія его отдаетъ должную дань и тѣмъ изъ нихъ, кто своей, нерѣдко невидимой постороннему взгляду,административной и организаціонной дѣятельностью подготовлялъ и способствовалъ успѣху его боевой службы.

Не даромъ, и не изъ одной только личной скромности, герой Синопа Нахимовъ, въ отвѣтъ на вызванные его побѣдой восторги, сказалъ: „Михаилъ Петровичъ Лазаревъ — вотъ кто сдѣлалъ все-съ". Онъ яснѣе всѣхъ могъ видѣть и цѣнить работу Главнаго Командира Черноморскаго Флота и Портовъ по воспитанію личнаго состава, созданію и поддержанію въ боевой готовности матерьяльной части кораблей, ихъ снабженію и обслуживанію береговыми учрежденіями и главное, по выбору команднаго состава, которому онъ могъ съ полнымъ довѣріемъ вручить свои суда и эскадры.

Въ морской исторіи эта блестящая эпоха Черноморскаго флота отмѣчена именемъ „Школы Лазарева".

Къ великому счастью Балтійскаго флота, фактически переставшаго существовать послѣ Цусимскаго разгрома, державной волей Императора Николая 2-го къ трудамъ по его возрожденію былъ привлеченъ, минуя нерѣдко мертвившіе его цензы старшинства и службы, цѣлый рядъ офицеровъ наиболѣе ярко выявившихъ свои дарованія, какъ боевыя такъ и административныя, во время Японской войны.

Адмиралъ Бирилевъ подготовляетъ реформу центральныхъ учрежденій Морского Вѣдомства, создаетъ Учебный Гар-

демаринскій отрядъ, на судахъ котораго кор. гардемарины получаютъ до вступленія въ офицерскія должности практическую подготовку въ дальнихъ океанскихъ плаваніяхъ.

Адмиралъ Григоровичъ энергично проводитъ выполненіе большой программы новаго судостроенія, а, во время войны 1914-17 гг. превращаетъ Морское Министерство изъ высшаго органа флота въ учрежденіе обслуживающее его и исполнителя требованій имъ Командующихъ.

Начальники Морского Генеральнаго Штаба — Брусиловъ, св. кн. Ливенъ и Русинъ дѣлаютъ его мозговымъ центромъ флота и представителемъ его интересовъ какъ передъ законодательными учрежденіями, такъ и передъ другими министерствами и даже внутри самого Морского Министерства.

И, безспорно, на первомъ мѣстѣ въ эту эпоху стоитъ имя Адмирала Николая Оттовича Эссена, создавшаго свою „школу" въ дѣлѣ воспитанія и боевой подготовки самой души флота — его личнаго состава и подбора своихъ ближайшихъ помощниковъ и исполнителей его предначертаній.

Адмиралъ Н. О. Эссенъ.

Назначенный Командующимъ Морскими силами Балтійскаго моря Адмиралъ Эссенъ являлъ собою рѣдко встрѣчающееся въ жизни сочетаніе ума, образованности, знанія дѣла и умѣнія разбираться въ людяхъ, съ сильной волей, личнымъ мужествомъ и глубоко продуманнымъ опытомъ войны.

Съ первыхъ же дней Японской войны его дѣйствія въ качествѣ командира легкаго крейсера „Новикъ" вызываютъ общій восторгъ не только всей эскадры, но и въ самой Россіи. Командуя затѣмъ броненосцемъ „Севастополь" онъ одно время несетъ обязанности Флагъ-Капитана І-й Тихоокеанской эскадры, затѣмъ на томъ же броненосцѣ принимаетъ участіе въ бою у Шантунга, а, когда эскадрѣ грозитъ неизбѣжность безплодной гибели на внутреннихъ рейдахъ Портъ-Артура, добивается разрѣшенія вывести свой корабль въ бухту Бѣлаго Волка. Послѣ ряда отчаянныхъ атакъ японскихъ миноносцевъ, въ результатѣ которыхъ „Севастополь" былъ поврежденъ настолько, что всякая возможность для него выйти въ море окончательно отпадаетъ, Эссенъ, при сдачѣ крѣпости, выводитъ его на глубину и затопляетъ его, лишивъ японцевъ возможности овладѣть этимъ призомъ.

Обладая отличной наблюдательностью и умѣніемъ оцѣнивать людей Эссенъ такимъ образомъ могъ весьма близко ознакомиться съ личными качествами многихъ изъ офицеровъ эскадры, что и дало ему возможность впослѣдствіи избрать изъ нихъ многихъ сотрудниковъ въ его работѣ по созданію Морскихъ Силъ Балтійскаго Моря.

Въ числѣ таковыхъ онъ привлекъ и Капитана 2-го ранга Непенина, командовавшаго въ Портъ-Артурѣ миноносцемъ „Сторожевой" и проявившаго высокую доблесть при отраженіи атакъ японскихъ миноносцевъ на „Севастополь", за которую лично оцѣнившій ее Эссенъ представилъ его къ награжденію Георгіевскимъ крестомъ.

По возвращеніи Непенина изъ японскаго плѣна, куда онъ пошелъ въ числѣ другихъ офицеровъ, желающихъ раздѣлить участь своихъ командъ, лишенныхъ права возвращенія на родину, Эссенъ въ 1907 году даетъ ему въ командованіе миноносецъ „Прозорливый" и, еще ближе знакомясь съ нимъ, оцѣниваетъ его, не только какъ боевого офицера, но и его умственныя и волевыя достоинства и выдающійся административный талантъ.

Постепенно онъ поручаетъ Непенину все болѣе и болѣе отвѣтственныя задачи и беретъ его въ свой штабъ для реорганизаціи, по инціативѣ самого Непенина, Службы Наблюдательныхъ Постовъ и Связи Балтійскаго моря.

Именно въ этой послѣдней должности дѣятельность Непенина обращаетъ на себя вниманіе и Морского Генеральнаго Штаба и самого Морского Министра, а во время войны быстро выдвигаетъ его въ первые ряды командного состава флота.

Имя его становится настолько популярнымъ въ средѣ всего личнаго состава послѣдняго, что когда, за невознаградимой и преждевременной смертью Эссена и уходомъ съ должности его замѣстителя Адмирала Канина, возникаетъ вопросъ о новомъ Командующемъ Флотомъ, Государь, изъ трехъ представленныхъ ему Морскимъ Министромъ кандидатовъ, останавливаетъ свой выборъ на самомъ молодомъ изъ нихъ Контръ-Адмиралѣ Непенинѣ. И это назначеніе встрѣчается во флотѣ съ общимъ ликованіемъ, не смотря на то, что онъ не не командовалъ раньше ни однимъ изъ крупныхъ соединеній судовъ, но даже и большимъ кораблемъ.

Въ глазахъ всѣхъ онъ являлся ближайшимъ наслѣдникомъ „школы" незабвеннаго создателя боевой мощи Балтійскаго Флота Адмирала Николая Оттовича Эссена и носителемъ его традицій.

Чтобы понять это необычное и, на первый взглядъ, даже странное, явленіе необходимо возможно тщательно разобраться в самой личности, а такъ же и во всей предъидущей дѣятельности Непенина.

Съ легкой руки одного изъ морскихъ писателей*), видимо увлеченнаго романтикой фантастическихъ разсказовъ бывшаго морского летчика, въ которыхъ быль въ еще большей степени смѣшана съ небылицами, обликъ Непенина и его Службы Связи получили легендарный характеръ.

Въ дѣйствительности многое изъ приписываемыхъ ему въ этихъ разсказахъ совершенно не имѣло мѣста по той простой причинѣ, что Непенинъ никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла непосредственно его не касавшіяся (напримѣръ въ военный шпіонажъ находившійся въ вѣденіи Морского Генеральнаго Штаба) или дѣйствовать черезъ голову, хотя бы и подчиненныхъ ему непосредственныхъ начальниковъ частей.

Но его память и не нуждается въ подобныхъ легендахъ. Результаты его работы во время войны въ качествѣ Начальника Службы Связи были настолько сами по себѣ поразительны и о нихъ такъ хорошо было извѣстно каждому командиру корабля посылавшемуся почти въ любую операцію, что никакая фантазія не можетъ ихъ разукрасить.

Увы, судьба, вознеся его такъ высоко, не дала ему возможности лично проявить себя въ качествѣ флотоводца. Тщательно разработанный подъ его руководствомъ Штабомъ Флота планъ кампаніи на 1917 годъ остался неосуществленнымъ.

Кровавыми руками его убійцъ въ первые же дни революціи Германія одержала легкую побѣду.

И справедливо сказалъ пишущему эти строки Адмиралъ Колчакъ, близко, по бывшей своей должности Флагъ-Капитана Балтійскаго Флота, а потомъ и въ качествѣ Начальника

***) А. П. Лукинъ — „Бой надъ Ангерномъ" Газ. „Россія" 1937 г.**

Минной дивизіи его, знавшій всю работу Непенина: „Балтійскому Флоту не простится это преступленіе”. *)

Безславная гибель, ставшаго игрушкой разбушевавшейся революціонной стихіи, флота явилась возмездіемъ ему и всей Россіи, за то что не поняли и не оцѣнили того, кто всю свою жизнь и исключительныя дарованія отдалъ на служеніе имъ.

Но Россія не умретъ. Переживъ лихолѣтье очнется она отъ своего безумія, залившаго ея поля и моря кровью лучшихъ своихъ сыновъ.

И ея исторія отведетъ, въ числѣ другихъ, почетное мѣсто и имени Вице-Адмирала Адріана Ивановича Непенина.

* * *

Хотя судьба и послала мнѣ счастье быть въ теченіи пяти лѣтъ (1912-17 гг) однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Адмирала, все же, къ сожалѣнію, перегруженность своей собственной работой (Морская Авіація Б. М.) часто лишала меня возможности лично слѣдить за его дѣятельностью въ другихъ областяхъ. Такъ же, по условіямъ писанія этой статьи, далеко не всегда было возможно имѣть для нея первоисточники.

Лишь благодаря любезной отзывчивости нѣкоторыхъ лично знавшихъ его лицъ (въ частности — вдовы Адмирала Ольги Васильевны Непениной и долго служившаго подъ его начальствомъ Инженеръ-Механика Капитана І-го ранга В. П. Орлова-Діаборскаго), а равно и содѣйствія Завѣдующаго Архивомъ О-ва Офицеровъ Русскаго Императорскаго Флота С. В. Гладкаго доставившаго цѣнныя историческія справки и указанія на нужную литературу, явилась возможность приступить къ настоящему труду. Большую моральную поддержку оказалъ мнѣ и редакторъ „Морскихъ Записокъ” Г. Н. Таубе, предложеніемъ печатать въ журналѣ настоящую статью по мѣрѣ ея готовности и этимъ довѣріемъ „въ кредитъ” побудившій приступить къ работѣ безъ дальнѣйшихъ задержекъ.

Всѣмъ этимъ лицамъ приношу глубокую признательность.

***) Авторъ въ эти дни находился въ Севастополѣ въ командировкѣ по просьбѣ Адм. Колчака для работы по плану участія авіаціи въ операціи противъ Босфора.**

Родовые корни. Псковъ и псковитяне.

Расположенный на скалистомъ мысу при впаденіи рѣчки Псковы въ многоводную и глубокую р. Великую у береговъ судоходнаго чудскаго озера „пригородъ" Новгорода, какъ именовались большіе населенные пункты Новгородской области, являлся издревле непреступной твердыней, охранявшей не только ее, но и всю Русь отъ нашествій воинственныхъ литовскихъ и нѣмецкихъ сосѣдей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и самъ Новгородъ, онъ игралъ и большое значеніе въ торговыхъ сношеніяхъ восточной и сѣверной Руси съ Западной Европой, обмѣнивая хлѣбъ и мѣха на ткани, металлическія издѣлія, вино и пр. Въ этихъ торговыхъ цѣляхъ жители Новгородской области на своихъ „ушкуяхъ" предпринимаютъ далекія плаванія по рѣкамъ и озерамъ, заводятъ на сѣверѣ свои „колоніи" и выносятъ торговлю на Балтійское побережье. Черезъ р. Волховъ и Неву они выходятъ въ Финскій заливъ, а Псковъ по рѣкѣ Шелони и въ Рижскій. Такъ же по „горнимъ" т. е. сухопутнымъ дорогамъ проходятъ они и на Колывань (Ревель).

Богатѣя такимъ образомъ, несмотря на скудость своей собственной земли узкой полосой тянувщейся вдоль рѣки Великой, Псковъ въ серединѣ 14-го вѣка добивается своей независимости отъ Новгорода и, по договору 1348 года, признается послѣднимъ уже не „пригородомъ" а „младшимъ братомъ" послѣдняго, т. е. равноправнымъ и самостоятельнымъ въ дѣлахъ внутренняго управленія.

Хотя вѣчевое его управленіе и сохраняетъ въ общихъ чертахъ сходство съ Новгородскимъ, но, благодаря тому, что во Псковѣ не было того огромнаго различія въ имущественномъ положеніи между „большими" или „лучшими" людьми (бояре и купцы) и „меньшими" или „чернымъ людомъ" эти послѣдніе не были такъ угнетены какъ въ Новгородѣ. Поэтому Псковская общественная жизнь протекала болѣе мирно, безъ жестокихъ междоусобицъ и бунтовъ, во время которыхъ Новгородскіе „худые людишки вѣчники" начинали бить и грабить бояръ и особенно купцовъ.

Установленная вѣчемъ „Псковская Судебная Грамота" 15-го вѣка, замѣнившая „Русскую Правду" Ярослава Мудраго, является образцомъ демократическаго законодательства той эпохи.

Въ тоже время сознаніе обще-русскихъ интересовъ псковитянами высоко отличаетъ ихъ отъ новгородцевъ, привыкшихъ считать себя совершенно независимыми отъ Москвы.

Въ результатѣ этого, когда Великій Князь Иванъ 3-ій жестоко подавилъ возстаніе Новгородцевъ, задумавшихъ, всего черезъ годъ послѣ того какъ они „цѣловали крестъ" на покорность Москвѣ, вновь выйти изъ подчиненія ей, онъ не только не разгромилъ Пскова, сохранившаго вѣрность ему, но даже оставилъ ему вѣчевое управленіе, поставивъ въ немъ лишь своего намѣстника.

Однако самовластіе этихъ намѣстниковъ и разногласія ихъ съ вѣчемъ, права котораго ими ущемлялись, скоро привели къ недовольству Москвой и, въ цѣляхъ предохраненія себя отъ полнаго поглощенія послѣдней, къ переговорамъ Псковитянъ съ Литвой о взаимной поддержкѣ.

Узнавъ объ этихъ переговорахъ, внукъ Ивана 3-го, Великій Князь Василій 3-ій, обвинивъ Псковъ въ измѣнѣ не только Москвѣ, но и самому православію (переговоры съ католиками), въ 1510 году занимаетъ городъ своими войсками, лишаетъ его права вѣча, вывозитъ въ Москву вѣчевой колоколъ и, подобно тому какъ его дѣдъ поступилъ съ новгородцами, выселяетъ въ Московскія волости триста семей „лучшихъ людей", посадивъ на ихъ мѣсто столько же семей изъ Москвы,*) чтобы предовратить возможность возстаній. Принимая, однако, во вниманіе, что изъ Новгорода было выселено болѣе тысячи такихъ семей, надо думать, что эта мѣра лишь частично отразилась на землевладѣльческомъ классѣ Пскова. Многія помѣстныя семьи сохранились и изъ остатковъ ихъ, съ примѣсью Московскихъ переселенцевъ, а впослѣдствіи и выходцевъ изъ присоединенныхъ Литвы и нѣмецкихъ земель, и выростаетъ Псковское дворянство.

Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что это послѣднее сохранило во всей полнотѣ отъ своихъ Псковскихъ предковъ тотъ высокій духъ сознанія своего долга передъ государствомъ, организаціонныя способности, развивавшіеся большими и трудными торговыми предпріятіями, чувства собственнаго достоинства и независимости въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ и любовь къ дальнымъ путешествіямъ и плаваніямъ, которые
любовь къ дальнимъ путешествіямъ и плаваніямъ, которые

---

*) **Проф. Ключевскій „Исторія Россіи".**

Все же весьма естественно, что въ силу тѣсной связи старожиловъ между собою, несомнѣнно недоброжелательнаго отношенія къ навязаннымъ имъ сосѣдамъ москвичамъ, большинство браковъ должно было заключаться въ ихъ тѣсномъ кругу. Получавшійся при этомъ родовой подборъ, въ силу законовъ наслѣдственности, долженъ былъ оказывать большое вліяніе на сохраненіе многихъ родовыхъ чертъ. Примѣръ этому мы можемъ видѣть въ семьяхъ дворянства Прибалтійскаго края, среди казачества и т. д.

Быть можетъ этимъ и объясняется, хотя бы только отчасти, тотъ фактъ, что съ давнихъ временъ и до самой революціи изъ рядовъ Псковского дворянства выходило много выдающихся государственныхъ и военныхъ дѣятелей Россіи. И флотъ ея насчитывалъ въ своихъ рядахъ немало отличныхъ офицеровъ — потомковъ древнихъ Псковскихъ „ушкуйниковъ".

Съ біологической точки зрѣнія, при благопріятныхъ условіяхъ скрещиванія родственныхъ семей, вполнѣ допустимо появленіе въ цѣпи потомства исключительныхъ личностей, выявляющихъ въ себѣ собирательно многостороннія лучшія черты своихъ предковъ, подобно тому какъ вогнутое зеркало соединяетъ въ своемъ фокусѣ лучи падающаго на него свѣта.

И, вотъ, посколько позволяютъ судить имѣющіеся данныя, къ сожалѣнію далеко не полныя, именно таковой личностью и представляется наслѣдникъ древныхъ „лучшихъ людей" Пскова — Адріанъ Ивановичъ Непенинъ.

Родъ Непениныхъ.

„Фамилія Непениныхъ. За Лаврентьемъ Алексѣевымъ сыномъ Непенинымъ въ 7134/1626 и 7135/1627 годахъ состояли помѣстья, а въ 7194/1686 году оныя помѣстья, по грамотѣ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича,отказаны за Фомою Прокофьевымъ сыномъ Непенинымъ. Равнымъ образомъ и другіе сего рода Непенины служили в разныхъ чинахъ и владѣли деревнями. Все сіе доказывается грамотами жалованными на помѣстья и копіей съ опредѣленія Псковского дворянскаго депутатскаго собранія о внесеніи Непениныхъ въ родословную книгу, въ шестую часть, древняго дворянства".

Хотя эта краткая выдержка помѣщенная въ Высочайше утвержденномъ Гербовникѣ (Т. 8, ст. 62) и начинаетъ историческую запись о родѣ Непениныхъ лишь съ начала 17-го вѣка, изъ нее явствуетъ что уже издревле владѣвшіе помѣстьями и деревнями ихъ предки принадлежали именно къ одному изъ древнихъ землевладѣльческихъ родовъ „лучшихъ людей" Пскова.

Къ сожалѣнію въ настоящихъ условіяхъ невозможно точно прослѣдить дальнѣйшее родословное древо. Отрывочныя генеологическія данныя собранныя изъ различныхъ источниковъ относятся уже лишь къ 19-му вѣку и носятъ случайный характеръ.*) Однако и по нимъ можно опредѣленно сказать, что почти всѣ дальнѣйшіе представители рода, оставаясь землевладѣльцами Великолуцкаго уѣзда, въ молодости служатъ въ рядахъ Русской арміи, а затѣмъ многіе, по выходѣ въ отставку, переходятъ на гражданскую службу, занимая судебныя и административныя должности въ томъ же уѣздѣ, требовавшія извѣстнаго земельнаго ценза. Однако во флотѣ имя Непениныхъ впервые встрѣчается лишь въ концѣ девятнадцатого вѣка.

Среди военныхъ выдѣляется имя Капитана Петра Николаевича Непенина отмѣченнаго въ качествѣ „героя Бородинской битвы" и погребеннаго въ г. Великія Луки, и нѣсколькихъ лицъ дослужившихся до высокихъ чиновъ и командныхъ должностей и въ арміи и въ Пограничной Стражѣ.

Изъ того, что въ эту эпоху Непенины становятся по преимуществу „служилыми" людьми можно заключить, что родъ этотъ не избѣжалъ обще-русскаго явленія быстраго дробленія дворянскихъ помѣщичьихъ владѣній вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ, благодаря отсутствію феодальнаго института майоратовъ, позволившаго, напримѣръ старымъ нѣмецкимъ родамъ Прибалтійскаго края сохранить въ цѣлости свои старинныя помѣстья.

Семья и дѣтство.

21-го октября 1871 года въ семьѣ помѣщика Псковской губерніи Ивана Адріановича Непенина родился сынъ, назван-

---

*) Родословныя справки любезно сдѣланныя Н. Д. Плѣшко по просьбѣ С. В. Гладкаго.

ный въ честь дѣда Адріаномъ. Имена Иванъ и Адріанъ по традиціи семьи поочередно давались старшему сыну. И, хотя до него у Ивана Адріановича было уже пять дѣтей это былъ его первый и единственный сынъ. Мальчикъ родился довольно поздно. Его отцу было уже 45 лѣтъ, матери 40, старшей сестрѣ — Маріи 20 и самой младшей изъ нихъ — Прасковіи — минуло семь.

Легко себѣ представить радость отца получившаго, наконецъ, наслѣдника родового имени. Съ той же радостью было встрѣчено его появленіе на свѣтъ и всѣми сестрами. Только мать (урожд. Илагина) отнеслась къ этому новому ребенку равнодушно и впослѣдствіи не измѣнила того же отношенія.

Вѣрнѣе всего причиной этого было утомленіе ея отъ трудовъ и заботъ понесенныхъ по воспитанію пяти дочерей и содержанію большой семьи при ограниченныхъ средствахъ. Объ этомъ можно судить потому съ какой разсчетливостью она должна была вести домашнее хозяйство.

Дѣло въ томъ, что дѣдъ Адріана, владѣвшій тремя имѣніями, человѣкъ весьма предпріимчивый, задумавъ заняться какимъ то промышленнымъ дѣломъ, продалъ съ этой цѣлью два самыхъ доходныхъ имѣнія. Пріѣхавъ для завершенія сдѣлки въ Петербургъ и получивъ всѣ деньги наличными, онъ положилъ ихъ въ карманъ и поѣхалъ въ радостномъ настроеніи навѣстить двухъ своихъ сыновей воспитывавшихся въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и ожидалъ ихъ въ пріемномъ залѣ. Когда же по окончаніи классовъ мальчики прибѣжали туда они, къ своему ужасу, нашли его мертвымъ. При осмотрѣ корпуснымъ начальствомъ тѣла никакихъ денегъ при немъ найдено не было. Когда и какъ они пропали выяснить не удалось. По предположенію деньги были или украдены у него или онъ потерялъ ихъ по пути въ корпусъ и, когда онъ обнаружилъ ихъ пропажу у него случился ударъ отъ котораго онъ и умеръ. Такимъ образомъ наслѣдникамъ его досталось лишь одно бездоходное имѣніе.

Вслѣдствіе этого старшій изъ его сыновей — Иванъ — былъ вынужденъ по окончаніи корпуса оставить военную карьеру и принять на себя всѣ заботы о матери, сестрѣ и младшемъ братѣ.

Хозяиномъ онъ оказался отличнымъ. Поднявъ доходность своего имѣнія онъ его выгодно продалъ, купилъ другое, снова улучшилъ его и перепродалъ и, продолжая такія

же операціи, до нѣкоторой степени возстановилъ благосостояніе семьи. По нѣкоторымъ даннымъ видно, что одно время онъ даже владѣлъ тремя имѣніями и имѣлъ домъ въ городѣ Старая Русса въ которомъ семья жила зимой для школьнаго образованія дѣтей.

Все же весьма понятно, что при такихъ дѣловыхъ оборотахъ наличныхъ средствъ всегда должно было быть немного и вся тяжесть этого ложилась на его жену. Новый ребенокъ долженъ былъ быть ей въ тягость. Подтвержденіемъ основательности ея тревогъ о матеріальномъ положеніи семьи можетъ служить тотъ фактъ, что послѣ смерти Ивана Адріановича въ ея владеніи сохранилось лишь одно небольшое имѣньице и упомянутый домъ въ Старой Руссѣ, сдававшійся въ аренду.

Почти съ самого рожденія Адріана, старшая сестра его — Марія Ивановна — взяла на себя всѣ заботы о братѣ, и будучи умной и доброй женщиной, умѣло помогала въ его воспитаніи отцу, который, не чая въ сынѣ души, слишкомъ его баловалъ.

Въ свою очередь Адріанъ любилъ и уважалъ отца и былъ сильно привязанъ какъ къ Маріи Ивановнѣ, такъ и къ ближайшей къ нему по возрасту сестрѣ Прасковьѣ, старшей подругой его младенческихъ лѣтъ. Къ матери же былъ равнодушенъ, а, подросши — позволялъ себѣ даже критиковать ея дѣйствія.

Въ то же время какъ Марія Ивановна воспитывала въ братѣ лучшія человѣческія стороны — любовь къ людямъ, внимательное къ нимъ отношеніе и т. д., отецъ развивалъ въ немъ, несмотря на все баловство, мужественность.

Такъ, напримѣръ, замѣтивъ, что мальчикъ боится темноты, онъ нарочно оставлялъ вечеромъ спички въ своемъ кабинетѣ, до котораго надо было пройти изъ столовой черезъ рядъ неосвѣщенныхъ комнатъ, и просилъ сына принести ихъ ему оттуда.

И, какъ ни было Адріану это страшно, онъ не смѣлъ отказать обожаемому имъ отцу въ просьбѣ. Постепенно этотъ дѣтскій страхъ у него прошелъ.

Въ юные гимназическіе годы Адріанъ проявлялъ уже безразсудную отвагу. Его сестра Прасковья Ивановна разсказывала какъ одинъ разъ онъ на ея глазахъ, поспоривъ съ

товарищами, что перейдетъ въ ледоходъ рѣку по льду, сталъ перепрыгивать со льдины на льдину и, дѣйствительно перешелъ на другой берегъ.

Когда же она разсказала объ этомъ отцу, тотъ не только не наказалъ его, но даже и не сдѣлалъ ему выговора за такой рискованный проступокъ. Вмѣсто этого онъ лишь просилъ директора гимназіи, чтобы тамъ за мальчиками хорошенько присматривали.

Внушалъ онъ также сыну терпимо относиться къ недостаткамъ другихъ людей и, учась на нихъ, быть болѣе требовательнымъ къ самому себѣ. Такъ самъ Адріанъ Ивановичъ вспоминалъ, какъ, еще будучи въ Морскомъ Корпусѣ, онъ жаловался отцу на разныя несправедливости начальства. „А ты на нихъ не обращай вниманія" отвѣтилъ ему тотъ. „А вотъ, когда кончишь корпусъ и будешь офицеромъ тогда старайся самъ быть справедливымъ къ людямъ".

Все же, въ общемъ, атмосфера семейной обстановки среди обожавшихъ его сестеръ и баловавшаго отца не способствовала развитію въ мальчикѣ дисциплинированности.

Уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ, напримѣръ, не стѣсняется демонстративно выражать недовольство нѣкоторыми домашними порядками. Такъ сестры его вспоминали какъ онъ, протестуя противъ разсчетливаго веденія хозяйства матерью, иронически писалъ на стѣнахъ: — „да здравствуетъ экономія". И это ему сходило съ рукъ.

Такая несдержанность въ отношеніи къ старшимъ сохранилась въ его характерѣ и едва не повліяла на всю его дальнѣйшую жизнь.

Съ другой стороны унаслѣдованная отъ отца и развитая подъ вліяніемъ воспитывавшей его сетры большая душевная доброта къ людямъ ниже стоящимъ и впавшимъ въ бѣду всегда влекли къ нему сердца близко его знавшихъ и имѣвшихъ случай убѣдиться въ ней лично.

Крестьянѣ сосѣдней деревни любили своихъ помѣщиковъ и Адріанъ Ивановичъ продолжалъ заботиться о нихъ и послѣ смерти отца. Его сестры разсказывали, что всякій разъ какъ онъ пріѣзжалъ, уже будучи офицеромъ, въ отпускъ и узнавалъ о какой либо бѣдѣ постигшей того или иного крестьянина онъ тотчасъ же приходилъ на помощь: купитъ корову,

лошадь и т. п. Ольга Васильевна Непенина*) свидѣтельствуетъ, что въ бытность ея въ ихъ имѣніи въ усадьбу пришелъ со своей маленькой дочкой вернувшійся съ фронта солдатъ. Узнавъ что Марія Ивановна больна (по полученіи телеграммы о смерти брата она слегла и, хотя по словамъ доктора она ничемъ не была больна, въ августѣ того же года скончалась „отъ нежеланія жить дольше") попросилъ провести его къ ней. Пробывъ тамъ довольно долго онъ вышелъ отъ нея весь въ слезахъ. Это былъ одинъ изъ облагодѣтельствованныхъ покойнымъ людей.

Помогалъ Непенинъ и совсѣмъ постороннимъ ему людямъ. Сестры его подружились съ одной молодой дѣвушкой учившейся на Медицинскихъ Курсахъ. Однажды, когда Адріанъ Ивановичъ гостилъ у нихъ, пришло отъ нея письмо, въ которомъ она сообщала, что ей приходится бросить курсы (она была уже на 3-мъ курсѣ) изъ за отсутствія средствъ. Непенинъ услыхавъ объ этомъ задумался и сказалъ сестрамъ, чтобы они написали ей, чтобы она продолжала учиться т. к. онъ ей будетъ помогать. Съ этой его помощью она блестяще окончила медицинскій факультетъ.

Извѣстны такъ же случай**) когда онъ выручалъ изъ бѣды запутавшихся въ долгахъ молодыхъ офицеровъ, а такъ же оказывалъ денежную поддержку нижнимъ чинамъ и ихъ семьямъ изъ своего жалованія.

Такимъ образомъ, если положить на чашки вѣсовъ съ одной стороны всѣ недостатки воспитанія въ дисциплинарномъ отношеніи, которые какъ-ни-какъ, служба во флотѣ впослѣдствіи заставила его въ себѣ исправить, а съ другой — тѣ высокія моральныя качества, которыя передала ему семья, то разумѣется, вторая чашка глубоко перетягиваетъ первую и ея содержимое озаряетъ въ теченіи всей его жизни его фигуру неугасимымъ свѣтомъ.

---

*) О. В. Непенина по приглашенію сестеръ А. И. провела у нихъ послѣ убійства мужа цѣлый мѣсяцъ. Приводимыя здѣсь справки о дѣтскихъ годахъ Непенина даны ею автору на основаніи разсказовъ М. И. и П. И. Непениныхъ, а равно и воспоминаній которыми дѣлися съ нею самъ А. И.

**) По свидѣтельству В. П. Орлова-Діаборскаго и наблюденіямъ автора.

Говоря о дѣтскомъ окруженіи Адріана нельзя обойти молчаніемъ и неизбѣжную въ каждой дворянской помѣщичьей семьѣ старушку нянюшку. Съ любовной улыбкой разсказывалъ онъ, бывало, когда соберетъ къ себѣ на обѣдъ друзей, попробовать присланныхъ ею въ подарокъ соленыхъ огурчиковъ и квашеной капусты, какъ истово „съ молитовкой" готовила она запасы этихъ продуктовъ на зиму. И, дѣйствительно, произведенія ея настолько были хороши, что, хотя ничего другого вкушавшіе ихъ о ней и не знали, все же всей душей раздѣляли сквозившую въ его глазахъ при этихъ разсказахъ любовь къ старушкѣ. Это уже была шестая женская душа въ домѣ, обожавшая и, конечно, баловавшая его не меньше, если не больше всѣхъ.

Вѣроятно, какъ это часто бывало въ интеллигентныхъ русскихъ семьяхъ, эта нянюшка являлась главной хранительницей религіозныхъ началъ и въ домѣ Непениныхъ, пользовавшемся уваженіемъ мѣстнаго духовенства и соблюдавшемъ положенные церковные обряды. И хотя Адріанъ Ивановичъ впослѣдствіи не выказывалъ наружно особой „церковности", какъ не любилъ онъ также выявлять передъ людьми и другихъ своихъ интимныхъ чувствъ, все же въ душѣ своей онъ всегда оставался глубоко религіознымъ. Слова „дай Богъ" и истовое крестное знаменіе неизмѣнно являли это при всѣхъ рѣшительныхъ моментахъ въ его жизни. Съ ними онъ принялъ и сообщеніе о своемъ назначеніи Командующимъ Флотомъ и, въ величавомъ спокойствіи духа, саму трагическую свою кончину.

Морское Училище.

Выше было сказано, что родъ Непениныхъ не являлся традиціонно морскимъ и никто изъ предковъ Адріана повидимому не служилъ во флотѣ.

Однако за три года до производства его въ офицеры изъ Морского Училища былъ выпущенъ (вып. 1889 г.) его двоюродный братъ Иванъ Александровичъ. А такъ какъ Адріанъ отстать отъ своего собственнаго выпуска будучи оставленъ на второй годъ въ одномъ изъ классовъ, то значитъ его двоюродный братъ поступилъ въ Училище всего на два года ранее его.

Такое близкое совпаденіе времени поступленія двухъ Непениныхъ въ Училище заставляеть предполагать, что на рѣ-

шенія ихъ родителей направить своихъ сыновей по морской службѣ могло имѣть вліяніе кого либо изъ общихъ друзей среди сосѣднихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ не мало служило во флотѣ. Значительныя преимущества этой службы передъ армейской не только въ матерьяльномъ отношеніи, но и въ общественномъ положеніи, болѣе высокое образованіе даваемое Морскимъ Училищемъ, наконецъ, интересъ самой службы представленные лицомъ лично ее прошедшимъ, рисовали заманчивыя перспективы для ихъ дѣтей.

Возможно, конечно, что и самъ Адріанъ, имѣя въ гимназіи друзей изъ морскихъ семей готовившихся идти по линіи своихъ отцовъ, чему не мало способствовали огромныя преимущества дававшіеся дѣтямъ офицеровъ флота при пріемѣ въ Училище и полученіи образованія на казенный счетъ, а такъ же примѣръ своего двоюроднаго брата, могъ высказывать и личное свое желаніе въ этомъ направленіи. Однако, изъ всего его далнѣйшаго поведенія по поступленіи въ Училище трудно было бы заключить, чтобы уже тогда у него былъ вполнѣ сознательный интересъ или особое призваніе именно къ морской службѣ, и это заставляетъ думать, что такое рѣшеніе было скорѣе всего принято по почину отца, а не по его собственному.

Какъ бы то ни-было онъ въ 1885 году поступаетъ в Морское Училище, что, при большомъ конкурсѣ экзаменующихся и при существовавшихъ правилахъ пріема, по которымъ въ первую голову принимались дѣти морскихъ офицеровъ удовлетворительно выдержавшіе экзаменъ, и лишь вслѣдъ за ними остальные въ порядкѣ старшинства полученныхъ отмѣтокъ, показываетъ весьма хорошую подготовку полученную имъ въ гимназіи, а, вѣроятно и дополнительную дома, т. к. нѣкоторыя требованія (напримѣръ по французскому языку) весьма превосходили программу четырехъ классовъ первой.

Несмотря на это въ Училищѣ онъ учится весьма плохо. Къ спеціальнымъ предметамъ особеннаго интереса не проявляетъ такъ же.

„Кадетомъ, какъ я его помню" пишетъ одинъ изъ его сверстниковъ по Училищу*) „онъ не примыкалъ къ „марсо-

---

*) Контръ-Адмиралъ Д. В. Никитинъ. Письмо автору. „Морская Практика" Вахтина являлась настольной книгой парусного дѣла. Б. Д.

флотамъ" штудирующимъ „Морскую Практику" или подсчитывающимъ силу артиллеріи иностранныхъ флотовъ по книжкѣ Вел. Кн. Александра Михайловича. Къ морскимъ наукамъ онъ относился какъ къ предмету мало пріятному, но котораго нельзя избѣжать".

За „тихое" ученье онъ былъ даже оставленъ на второй годъ въ одномъ изъ спеціальныхъ классовъ.

Зато поведеніе его можно было назвать дѣйствительно „громкимъ".

По словамъ другихъ лицъ знавшихъ его въ Училищѣ и тоже свидѣтельствующихъ о плохомъ его ученіи, онъ постоянно находился въ „оппозиціи" начальству, за что почти каждое Воскресенье сидѣлъ безъ отпуска.*)

И самъ Адріанъ Ивановичъ говорилъ своей женѣ, что его „семь разъ собирались выгонять изъ корпуса".

Причины такого его поведенія были повидимому разнообразны.

Во первыхъ, очевидно, что избалованному семейной обстановкой мальчику было трудно принять строгую корпусную дисциплину. Къ тому же несомнѣнно говорила въ немъ и кровь его свободолюбивыхъ далекихъ предковъ, не мирившаяся съ подавленіемъ своей личности и глубоко возмущавшаяся всякой несправедливостью.

Выше было уже упомянуто, что Адріанъ часто жаловался отцу на несправедливость училищнаго начальства. А что это не было лишь однимъ капризомъ балованнаго мальчика можно судить по той атмосферѣ, которая дѣйствительно царила въ стѣнахъ училища во времена директора его Адмирала Арсеньева.

Свиты Его Величества Контръ-Адмиралъ Д. С. Арсеньевъ былъ типичнымъ представителемъ „придворнаго". Въ его глазахъ происхожденіе, положеніе въ свѣтѣ и на служебной лѣстницѣ отца и родственниковъ кадета являлось высшей мѣркой его оцѣнки. Главное вниманіе обращалось на свѣтское воспитаніе. Хорошее знаніе французскаго языка было главной заслугой. Обладающему этими данными многое легко сходило съ рукъ. На лишеннаго же ихъ нерѣдко обрушивалась вся

---

*) Со словъ Бр. Пленъ, кн. Кекуатова, Вадбольскаго и Львова (Письмо В. П. Орлова-Діаборскаго)

строгость директора. Можно было неважно учиться, но было совершенно недопустимо не имѣть хорошихъ манеръ.

При отличномъ подборѣ преподавателей — заслуга прекраснаго инспектора классовъ Кап. I-го ранга П. П. Вальрондъ (впослѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ) офицерскій составъ въ значительномъ большинствѣ не соотвѣтсвовалъ своему назначенію, особенно въ младшихъ ротахъ.

Главной причиной этого являлась сама организація воспитательнаго дѣла. Въ то время, когда въ кадетскихъ корпусахъ каждое отдѣленіе класса имѣло своего офицера-воспитателя, обычно проходившаго съ нимъ отъ четырехъ до пяти первыхъ лѣтъ корпуса, слѣдившаго за ученіемъ и поведеніемъ своихъ воспитанниковъ и имѣвшаго возможность отлично знать каждаго изъ нихъ и вліять на каждаго индивидуально, въ Морскомъ Училищѣ существовалъ, по примѣру юнкерскихъ училищъ Военнаго Вѣдомства, лишь институтъ „дежурныхъ" ротныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ, черезъ руки которыхъ ежегодно проходили все новые и новые кадры кадетъ. Нѣкоторые изъ нихъ, изъ за недостаточнаго для жизни въ Петербургѣ содержанія, занимались при этомъ преподавательской дѣятельностью, отвлекавшей ихъ отъ прямого своего назначенія. И только на своихъ дежурствахъ въ ротѣ да на строевыхъ ученіяхъ они отрывочно имѣли возможность входить въ соприкосновеніе съ воспитанниками. Единственнымъ лицомъ по настоящему слѣдившимъ за кадетами являлся одинъ ротный командиръ, которому, при наличіи въ ротѣ свыше ста кадетъ, это, конечно, было крайне трудно.

Многіе изъ этихъ дежурныхъ офицеровъ шли на службу въ Училище не по призванію, а лишь или изъ желанія жить въ столицѣ, или что еще хуже, изъ нелюбви къ морю. Чуткая молодежь это быстро понимала и теряла къ такимъ уваженіе. Только на судахъ Учебнаго отряда Училища она входила въ близкое соприкосновеніе со строевыми офицерами флота и воспринимала отъ нихъ настоящій морской духъ. И съ какимъ почтеніемъ относилась она къ этимъ послѣднимъ.

Дежурные же корпусные офицеры, будучи прежде всего лишь дистиплинарной властью, естественно представлялись кадетамъ,особенно младшихъ ротъ, своего рода врагами, съ которыми приходится бороться.

Само собой разумѣется, что дорожившіе своей береговой службой въ Училищѣ офицеры являлись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ его директора и, стараясь угодить его вкусамъ, нѣкоторые изъ нихъ главное свое вниманіе обращали лишь на внѣшнія качества воспитанниковъ и поддержаніе того аристократическаго духа Училища, который онъ стремился ему придать.

И, вотъ, хотя семья Непениныхъ, какъ видно изъ всего о ней сказаннаго, и являлась истинными „аристократами духа", преклоненіе передъ титулами и связями и вытекавшее изъ него рѣзкое различіе отношеній нѣкоторыхъ изъ начальства къ удовлетворявшимъ этимъ требованіямъ и не отвѣчавшимъ имъ кадетамъ, должно было вызывать въ гордомъ своимъ отцомъ мальчикѣ духъ протеста, поставившій его въ „оппозицію" этому начальству, выражавшуюся въ дерзостяхъ и тому подобныхъ проступкахъ.

Все же, несмотря на это и даже на плохое ученье, хотя его и собирались „семь разъ" исключать изъ Училища, этого не произошло. Очевидно на педагогическихъ совѣтахъ каждый разъ находились люди, и даже большинство, высказывавшіеся противъ такой крайней мѣры. Значитъ, это послѣдніе усматривали въ юномъ бунтарѣ и хорошія качества, обѣщавшія сдѣлать изъ него въ будущемъ неплохого офицера. Этимъ неизвѣстнымъ проницательнымъ педагогамъ Русскій флотъ обязанъ сохраненіемъ въ его рядахъ одного изъ самыхъ выдающихся его дѣятелей.

За отсутствіемъ подъ рукой документальныхъ данныхъ объ его успѣхахъ по тѣмъ или инымъ изъ преподававшихся въ Училищѣ наукамъ, въ видѣ, напримѣръ, классныхъ отмѣтокъ, трудно сказать навѣрное какими изъ нихъ онъ болѣе интересовался и какими пренебрегалъ. Все же, по нѣкоторымъ косвеннымъ признакамъ, можно предполагать, что онъ отдавалъ предпочтеніе гуманитарнымъ отраслямъ знанія передъ техникой.

На это указываютъ два обстоятельства. Уже въ самыхъ молодыхъ годахъ офицерской службы его соплаватели поражались великолѣпнымъ знаніемъ имъ русской литературы. И этотъ интересъ къ ней онъ сохранилъ на всю жизнь, легко цитируя Пушкина, Гоголя, Тургенева и, особенно имъ любимаго Лѣскова, даже на склонѣ лѣтъ. Жизнь и люди въ ней

отражаемые глубоко его интересовали. Съ другой стороны онъ за всю свою службу не прошелъ курса ни одного изъ спеціальныхъ офицерскихъ классовъ дававшихъ высшее техническое образованіе и оставался чисто строевымъ офицеромъ. Однако это не мѣшало ему съ уваженіемъ относиться къ техническимъ знаніямъ другихъ. Своихъ ближайшихъ помощниковъ въ послѣдующіе годы его административной дѣятельности онъ всегда выбиралъ изъ числа окончившихъ высшія военно-морскія учебныя заведенія и не только умѣло использовалъ ихъ спеціальныя данныя, но и учился отъ нихъ тому, что ему въ данный моментъ было необходимо, не стѣсняясь обнаружить передъ ними свое невѣжество по интересующему его вопросу. При этомъ его способность быстро схватывать сущность дѣла и приспособлять технику къ выполненію очередной задачи поражала представителей этой послѣдней. Интересъ къ ней онъ проявлялъ постольку поскольку она была нужна. Инженеръ-Механикъ Службы Связи Балтійскаго моря Кап. I-го ранга В. П. Орловъ вспоминаетъ, напримѣръ, какъ передъ однимъ изъ совѣщаній въ Техническомъ Управленіи Морского Вѣдомства о двигателяхъ внутреннаго сгоранія требовавшихся для Службы Связи, Непенинъ просилъ натаскать его по этому вопросу „безъ лишняго груза". Выслушавъ въ какіе-нибудь полчаса лекцію о нихъ онъ, по словамъ присутствовавшихъ на засѣданіи, говорилъ тамъ „какъ заправскій техникъ.*)

Какъ бы то ни было, гардемаринъ Непенинъ, видимо окончилъ курсъ Морского Корпуса не такъ ужъ плохо. При разборѣ вакансій онъ получаетъ назначеніе въ Черноморскій флотъ, что, при наличіи многихъ юношей желавшихъ начать свою службу тамъ гдѣ ее несли ихъ отцы и дѣды, должно было быть доступно лишь стоящимъ въ спискахъ произведенныхъ довольно высоко.

(Продолженіе слѣдуетъ)

***) Письма В. П. Орлова-Діаборскаго отъ 5 мая и 7 ноября 1955 г.**

Инж. Мех. Кап. 1 р. В. В. Саксъ.

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОЦЪ „ГРОМКІЙ"

Когда мы приближались къ мѣсту второй угольной погрузки, была обнаружена неисправность нашего руля, т. к. миноносецъ рыскалъ и плохо держался на курсѣ. Благодаря прозрачности воды въ океанѣ удалось замѣтить, что мы потеряли два нижнихъ листа руля. Большое уныніе охватило весь личный составъ миноносца, т. к. всѣ ясно понимали, что съ такимъ рулемъ „Громкій" не могъ продолжать состоять въ составѣ боевой эскадры и нужно было принять мѣры и выработать возможности починки на-плаву. Къ счастью, я захватилъ всѣ рабочіе чертежи миноноса и мнѣ удалось начертить точно форму листовъ и размѣтку дыръ для заклепокъ. Имѣя эти чертежи, я предложилъ пригнать листы при помощи водолазовъ, замѣнивъ заклепки стягивающими болтами. Т. к. это былъ единственный способъ починки, то Кернъ при остановкѣ эскадры для погрузки угля отправился съ чертежами на вельботѣ на „Суворовъ". Адмиралъ и флагманскій Корабельный Инженеръ Политовскій сразу согласились съ нашимъ проэктомъ и обѣщали задержать эскадру для починки руля.

Энергичный Политовскій прибылъ вскорѣ съ листами, изготовленными по нашимъ чертежамъ на „Камчаткѣ", а также захватилъ необходимые болты для стягиванія листовъ. Съ „Александра" прибылъ на „Громкій" докторъ Бертенсонъ а со „Свѣтланы" водолазный офицеръ лейтенантъ Вырубовъ съ 4-мя опытными водолазами и необходимыми помпами и аппаратами. По очереди два водолаза спускались на концахъ и принайтовливались по обѣ стороны руля, а Вырубовъ нырялъ съ миноносца и провѣрялъ работу водолазовъ. Листы были спущены на концахъ и были пригнаны къ рамѣ руля, и

такъ какъ дыры совпали, то не трудно было стянуть ихъ болтами. Несмотря на крупную зыбь, вся работа водолазовъ длилась не болѣе двухъ часовъ и руль былъ исправленъ къ великому торжеству всѣхъ присутствующихъ.

Эскадра снова двинулась къ Малакскому проливу, и послѣ еще одной угольной погрузки приблизилась къ Сингапуру и 23-го марта вошла въ проливы, причемъ миноносцы шли подъ собственными парами.

Торжественную и красивую картину представляла наша эскадра, проходя малымъ ходомъ мимо Сингапура.

Повидимому, время прохода боевого флота было извѣстно мѣстному населенію, которое на небольшихъ пароходахъ вышло намъ навстрѣчу и привѣтствовало бросаніемъ цвѣтовъ и пожеланіями успѣха.

На „Суворовъ" прибылъ нашъ консулъ и передалъ адмиралу почту.

При выходѣ изъ пролива эскадра взяла курсъ на Нордъ-Остъ и двинулась по направленію къ Аннаму, куда и прибыла благополучно и втянулась въ глубокую бухту Камранъ.

Эта бухта была въ полномъ расподяженіи нашей союзницы — Франціи и тамъ имѣлся складъ для снабженія французскаго Тихоокеанскаго флота. Командующій французскимъ флотомъ, адмиралъ Жонклеръ любезно предложилъ намъ пользоваться этимъ складомъ, что очень облегчило вопросъ нашего снабженія.

Государь Императоръ рѣшилъ порадовать офицеровъ и команду нашей боевой эскадры и приказалъ къ Пасхѣ прислать пароходъ „Эсмеральда" со всякими возможными деликатессами. Къ сожалѣнію этотъ пароходъ запоздалъ и пришелъ въ Камранъ только за день до нашего ухода на Востокъ. Все же всѣ корабли, даже вольные транспорты получили свою долю, и мы, на нашемъ миноносцѣ еще долго наслаждались царскими подарками. На другой день послѣ разгрузки „Эсмеральды" эскадра покинула Камрангъ и взяла курсъ на Вангъ-Фонгъ. 26-го апрѣля эскадра адмирала Небогатова встрѣтила насъ вблизи этой бухты.

Всѣ корабли застопорили машины для погрузки угля съ транспортовъ, часть которыхъ насъ покидала, а офицеры вновь прибывшей эскадры имѣли возможность посѣтить своихъ сослуживцевъ нашей 2-ой Тихоокеанской эскадры.

Ко мнѣ прибылъ съ „Ушакова" мой товарищъ по училищу Милевскій и привезъ приказъ о переименованіи меня въ штабсъ-капитаны и презентовалъ мнѣ саблю и двѣ пары погонъ.

Адмиралъ Небогатовъ посѣтилъ адмирала Рожественскаго для совѣщанія и распредѣленія судовъ, результатомъ чего „Громкій" съ другими четырьмя миноносцами вошелъ въ составъ 2-го Миннаго Отряда, прикомандированнаго къ крейсерскому отряду подъ начальствомъ адмирала Энквиста. Послѣ послѣдней угольной погрузки 10-го мая, вся эскадра, оставивъ крейсера „Днѣпръ" и „Ріонъ" для спеціальнаго назначенія, двинулась снова въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ на Востокъ, а миноносцы были снова взяты на буксиръ для сохраненія топлива. 12-го мая, при входѣ въ Корейскій проливъ всѣ наши радіостанціи начали улавливать сигналы съ японскихъ боевыхъ судовъ и мы поняли, что мы наканунѣ столкновенія съ непріятелемъ. Кернъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ, за исключеніемъ Паскина, стоявшаго на вахтѣ, въ каютъ-компанію для ознакомленія съ назначеніемъ нашего миноносца въ бою и для выработки способовъ уничтоженія судна въ случаѣ крайней необходимости. „Громкій" поступилъ въ распоряженіе командира крейсера „Владимиръ Мономахъ" и долженъ былъ все время боя держаться на траверзѣ этого крейсера у нестрѣляющаго борта и въ случаѣ нужды спасать личный составъ этого корабля. Послѣ этого совѣщанія Кернъ просилъ меня встать на вахту вмѣсто Паскина, а его попросилъ въ каютъ-компанію для выработки дѣйствій пожарной и починочной команды. Не прошло и четверти часа какъ я вступилъ на вахту, какъ на „Суворовѣ" взвился сигналъ: „приготовиться къ бою". Этотъ сигналъ былъ немедленно переданъ командиру, который смѣнилъ меня на мостикѣ и приказалъ поднимать пары во всѣхъ четырехъ котлахъ. Когда пары были готовы, мы отдали буксиры и вступили на свое мѣсто возлѣ „Мономаха".

Послѣ обхода моихъ помѣщеній и провѣрки инструкцій данныхъ мною машинной командѣ, я былъ приглашенъ Керномъ въ его каюту. Въ каютѣ мы провѣрили денежныя суммы и Кернъ указалъ на конвертъ, содержащій его личные 50 фунтовъ. Затѣмъ Кернъ просилъ меня, также какъ и всѣхъ другихъ офицеровъ миноносца, въ случаѣ нужды уничтожить коды и документы, зашитые имъ въ парусину съ грузомъ, а

также выбросить за бортъ денежный ящикъ. Все подлежащее уничтоженію было помѣщено на верхней полкѣ шкапа штурманской рубки, которая находилась надъ командирскимъ мостикомъ. Послѣ окончанія приготовленій къ бою, всѣ офицеры собрались къ обѣду и Кернъ уговаривалъ ѣсть побольше, т. к. неизвѣстно когда намъ будетъ возможно имѣть горячую пищу.

Рано утромъ 14-го мая эскадра открыла на лѣвомъ своемъ траверзѣ одинъ японскій легкій крейсеръ, который слѣдовалъ параллельнымъ курсомъ съ нами. Скоро къ нему присоединилось еще три непріятельскихъ крейсера. Главная наша эскадра, которая шла на Нордъ-Остъ, была отъ насъ вправо и продолжала итти двумя колоннами, а нашему крейсерскому отряду въ составѣ „Олега", „Владимира Мономаха", Авроры" и „Дмитрія Донского" съ 5-ю миноносцами приказано было отдѣлиться отъ главныхъ силъ и сосредоточиться на защитѣ транспортовъ.

Крейсера немедленно пошли на сближеніе съ непріятельскими крейсерами, стараясь прикрыть транспорты и быть всегда между непріятельскими и нашими не-боевыми судами. Послѣ недолгой перестрѣлки японскіе крейсера скрылись за горизонтомъ. Съ этого момента и до окончанія дневного боя, нашъ отрядъ велъ самостоятельный бой съ непріятельскими крейсерами, то сближаясь, то отдаляясь отъ главныхъ нашихъ силъ, ведущихъ бой съ японскими линейными кораблями.

Воспользовавшись перерывомъ, Кернъ приказалъ дать пищу командѣ, а офицеры имѣли время подкрѣпиться холодной закуской. Затѣмъ каютъ-компанія и каюты были приспособлены для принятія раненыхъ. Едва мы закончили наши приготовленія, какъ снова была пробита боевая тревога и я занялъ свой постъ у машиннаго люка. На этотъ разъ непріятель атаковалъ насъ значительнымъ числомъ крейсеровъ, которые старались отрѣзать насъ отъ нашихъ транспортовъ. Нашему отряду пришлось разъединиться. „Олегъ" и „Мономахъ" старались прикрыть голову транспортовъ, а „Аврора" и „Донской" защищали концевые корабли. „Громкій" оставался при „Мономахѣ". Въ это время транспорты и буксиры, имѣя различныя скорости, растянулись, по крайней мѣрѣ, на милю и были справа отъ насъ, стараясь держать курсъ на Нордъ-Остъ. Японскіе крейсера сильно нажимали на наши крейсера слѣва,

а транспорта отходили вправо, все ближе сближаясь съ нашими главными силами, ведущими бой съ японскимъ флотомъ. „Громкій" шелъ справа отъ „Мономаха", а потому оказался между нашими крейсерами и транспортами. Мы могли ясно видѣть „Ослябя", который, идя весьма малымъ ходомъ поджидалъ, чтобы четыре броненосца типа „Суворовъ" зашли впередъ и такимъ образомъ образовали кильватерную колонну изъ всѣхъ боевыхъ кораблей адмирала Рожественскаго. Это перестроеніе, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, было фатально для „Ослябя". Сильный сконцентрированный огонь японцевъ сосредоточился на „Ослябя" и онъ, получивъ нѣсколько крупныхъ снарядовъ въ носовую часть, началъ замѣтно садиться носомъ, продолжая отстрѣливаться. Вдругъ произошелъ сильный взрывъ и броненосецъ сразу пошелъ ко дну со всѣмъ личнымъ составомъ и тѣломъ адмирала Фелькерзама, который скончался на переходѣ Индійскимъ океаномъ. Къ „Осляби" подошелъ одинъ изъ миноносцевъ 1-го миннаго отряда, но спасъ ли онъ кого нибудь намъ не было видно, т. к. „Мономахъ" снова пошелъ на сближеніе съ японскими крейсерами и рѣзко уклонился влѣво, а мы должны были слѣдовать его движенію. Японскіе крейсера теперь съ трехъ сторонъ обстрѣливали наши транспорты и нѣкоторые изъ нихъ получили, повидимому, незначительныя поврежденія, т. к. продолжали двигаться на курсѣ. Около 2-хъ часовъ дня мы потеряли контактъ съ „Донскимъ" и „Авророй", стрѣльба которыхъ была слышна далеко сзади, и могли лишь видѣть дѣйствія „Олега" и „Мономаха". Не смотря на энергичный бой этихъ крейсеровъ, японцы оттѣсняли насъ все больше и больше вправо, прижимая къ главнымъ нашимъ силамъ. Обходя ввѣренныя мнѣ части, я на время не могъ видѣть картины боя. Когда я снова вышелъ на палубу, то глазамъ моимъ представилась весьма грустная картина. Недалеко справа тихо двигался и горѣлъ „Суворовъ". Онъ былъ безъ мачтъ и у него не было кормовой трубы. Онъ имѣлъ кренъ на правый бортъ и стрѣлялъ лишь носовой башней. Желая прикрыть флагманскій корабль, вся боевая наша эскадра, во главѣ съ „Александромъ", ходила вокругъ „Суворова" стараясь его прикрыть отъ сосредоточеннаго огня непріятеля. ‚Олегъ" круто взялъ вправо и пошелъ къ „Суворову", но замѣтя миноносцы 1-го отряда подошедшіе къ „Суворову", снова повернулъ влѣво на помощь „Мономаху". Наши транспорты попали подъ перекрест-

ный огонь, т. к. не только подверглись обстрѣлу съ японскихъ крейсеровъ, но и попали подъ перелеты тяжелыхъ снарядовъ, разстрѣливавшихъ „Суворова". Линія транспортовъ совершенно разстроилась и они метались во всѣ стороны, желая избѣжать поврежденій. Такъ какъ мы были справа отъ „Мономаха", то кругомъ нашего миноносца начали падать тяжелые снаряды. Одинъ изъ нихъ снесъ намъ антену и машинной люкъ, а другой упалъ такъ близко отъ кормы, что только чудомъ не повредилъ гребныхъ винтовъ. Справа отъ насъ оказался транспортъ „Иртышъ". Это тяжелое, тихоходное судно старалось всѣми силами выйти изъ обстрѣла и приблизиться подъ защиту нашихъ крейсеровъ. Кругомъ транспорта рвались снаряды, и мы съ трепетомъ наблюдали за его маневрированіемъ. Когда онъ сблизился съ нами, большой снарядъ попалъ транспорту въ носовую часть. Огромный столбъ огня и чернаго дыма окуталъ „Иртышъ", а когда дымъ разсѣялся, транспортъ грузно сѣлъ носовой частью и потерявъ возможность управляется, несмотря на всѣ его старанія, пошелъ прямо на насъ. „Мономахъ" во-время замѣтилъ опасность и круто повернулъ влѣво, а мы оказались между „Олегомъ" и тараномъ „Иртыша". Олегъ, занятый стрѣльбой съ лѣваго борта не сразу замѣтилъ опасность, почему мы и не могли уклониться влѣво, т. к. намъ преграждалъ путь бортъ этого крейсера. Кернъ, замѣтя опасность положенія, крикнулъ мнѣ дать самый большой передній ходъ. Я, спрыгнувъ въ машину, бросился къ паровымъ регистрамъ и открылъ ихъ до отказа. „Громкій" рванулся впередъ и только слегка задѣвъ таранъ транспорта, перескочилъ узкое пространство между „Олегомъ" и „Иртышемъ". Распоряженіе нашего командира спасло и „Олегъ", который сразу положилъ руля на бортъ и едва-едва разошелся съ транспортомъ.

Наши злоключенія этимъ не закончились. Во время приближенія тарана „Иртыша" на кормѣ былъ при подачѣ мой машинный содержатель Папельниковъ. Онъ невольно отступилъ назадъ, держась за стволъ орудія, которое снизилось и онъ соскользнулъ за бортъ. Кто то крикнулъ: Человѣкъ за бортомъ". Мы въ это время были сзади нашихъ крейсеровъ и насъ настигали три японскихъ крейсера. Кернъ рѣшилъ спасти своего матроса и положивъ руля на бортъ, пошелъ на встрѣчу японскимъ крейсерамъ, открывшихъ огонь по нашему миноносцу. „Громкій" полнымъ ходомъ сближался съ непріяте-

лемъ, который не выдержалъ нашего смѣлаго маневра и, повернувъ, скрылся за горизонтомъ. Мы скоро увидѣли голову бѣднаго Папельникова и, подойдя къ нему, застопорили машины и съ трудомъ выловили моего содержателя изъ воды. Скоро мы снова соединились съ нашими двумя крейсерами. Наступило временное затишье, т. к. непріятель потерялъ контактъ съ нами. Скоро мы увидѣли нашу эскадру. Впереди шелъ „Александръ" съ большимъ креномъ на правый бортъ, почему лѣвый бортъ обращенный къ намъ казался чрезмѣрно высокимъ. Вся эскадра вела энергичный бой, стрѣляя правымъ бортомъ. Вдругъ „Александръ" покатился влѣво и вышелъ изъ кильватерной колонны. Черезъ какія нибудь десять минутъ „Александръ" снова вступилъ концевымъ къ кильватерную колонну, которую на этотъ разъ велъ „Бородино". Не долга могъ „Александръ" вести бой на своемъ новомъ мѣстѣ — онъ снова сразу покатился влѣво и перевернулся на нашихъ глазахъ. Нѣкоторое время была видна плавающая подводная часть, а гребные винты продолжали медленно вращаться въ воздухѣ. Затѣмъ послѣдовалъ сильный взрывъ въ средней части судна, и броненосецъ пошелъ ко дну. Въ это время „Олегъ" и „Мономахъ" снова были заняты боемъ съ непріятельскими крейсерами, а мы снова разошлись съ главными нашими силами. Мгла сгустилась и стало быстро темнѣть. Уже въ сумерки мы увидѣли „Николая", держащаго сигналъ NO 23; „Бородина" уже не было, а за „Николаемъ" слѣдовалъ „Олегъ" и другіе наши корабли. Немедленно начались минныя атаки. Избѣгая непріятельскіе миноносцы, всѣ наши корабли все время мѣняли курсы, и мы остались одни съ „Мономахомъ", къ которому приблизились, давая сигналъ по морзе клотиковыми лампами „бѣлый-красный" какъ то было установлено Командующимъ эскадрой. Скоро непріятель замѣтилъ наши сигналы и сталъ самъ ихъ имитировать, чѣмъ имѣлъ возможность безнаказанно приблизиться къ нашимъ судамъ и выпускать въ упоръ мины. Замѣтивъ этотъ маневръ, наши суда, въ томъ числѣ и „Мономахъ", начали стрѣлять по каждому приближающемуся миноносцу. Два раза мы попали подъ собственные снаряды, и только чудомъ уцѣлели. Мы старались не терять изъ виду „Мономаха" и держались за кормой крейсера. Кернъ пригласилъ меня подняться на мостикъ для совѣщанія. Я далъ совѣтъ, оставить „Мономахъ", чтобы облегчить ему задачу отбиваться отъ непріятельскихъ миноносцевъ, и прорываться самосто-

ятельно во Владивостокъ. Принимая во вниманіе ограниченный запасъ угля и наше присутствіе, мѣшающее оборонѣ, Кернъ рѣшилъ постараться приблизиться съ кормы къ „Мономаху" и сообщить о своемъ рѣшеніи командиру крейсера. Въ это время послышался сильный взрывъ, сопровождавшійся яркимъ пламенемъ и мы ясно увидѣли, что „Мономахъ" подорванъ непріятельской миной. Кернъ какъ то грустно посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что теперь наша судьба тѣсно связана съ „Мономахомъ" и мы должны раздѣлить его участь. Крейсеръ пересталъ стрѣлять и, закрывъ прожектора, стоялъ неподвижно, стараясь справиться со своей пробоиной съ праваго борта въ носовой части. Мы подошли вплотную къ мостику нашего подбитаго крейсера.

Наступило полное затишье, т. к. непріятель скрылся, и Кернъ со своего мостика могъ свободно переговариваться съ кап. 1 р. Поповымъ, командиромъ „Мономаха". Мы поняли, что крейсеръ имѣетъ большую пробоину, кренится на правый бортъ и садится носомъ. Команда занята подкрѣпленіемъ поперечныхъ переборокъ, но что мало надежды на спасеніе крейсера, а мы должны приготовиться принять на миноносецъ возможно большую часть крейсерскаго личнаго состава. Это было около 10 час. вечера. Положеніе было не изъ пріятныхъ, т. к. всей команды снять мы были не въ состояніи, даже использовавъ наполовину пустыя угольныя ямы. Было темно, но мы держались у борта крейсера. Повидимому командиръ „Мономаха" понималъ ясно положеніе, а потому рѣшилъ до послѣдней крайности держать весь личный составъ и приблизиться къ ближайшему берегу. Крейсеръ далъ малый ходъ, а мы слѣдовали рядомъ, переговариваясь съ командиромъ „Мономаха", что поднимало духъ всѣхъ находящихся на крейсерѣ. Мы долго тихо подвигались въ темнотѣ, ожидая ежеминутно гибели „Мономаха". Наконецъ начало свѣтать, а крейсеръ съ сильнымъ креномъ все еще подвигался впередъ. По носу показался берегъ, и мы всѣ вздохнули свободно въ первый разъ. Стало совсѣмъ свѣтло и мы поняли, что крейсеръ имѣетъ намѣреніе выброситься на берегъ и тѣмъ спасти всю свою команду. Къ счастью подъ берегомъ было меньше зыби и командиръ крейсера рѣшилъ спустить шлюпки, и, свезя команду на берегъ, затопить крейсеръ на глубокой водѣ. Было около 9 час. утра, когда на горизонтѣ появились два непріятельскихъ мино-

носца, но замѣтивъ нашъ миноносецъ не приближались, маячили вдалекѣ и слѣдили за судьбой нашего крейсера. Когда часть шлюпокъ съ командой отвалила, командиръ крейсера перекрестилъ „Громкаго" и просилъ Керна немедленно попытаться прорваться во Владивостокъ т. к. болѣе онъ не нуждается въ нашей помощи. Въ 9 ч. 20 м. утра мы съ грустью покинули тонущаго „Мономаха", который во время дневного боя такъ смѣло и искустно прикрывалъ своимъ огнемъ наши транспорта. Кернъ пробилъ боевую тревогу и пошелъ прямо на два наблюдающихъ миноносца. Японцы не приняли боя и дали намъ свободно пройти мимо нихъ. Когда непріятель остался далеко сзади, я поднялся на командный мостикъ, гдѣ усталый, но спокойный Кернъ зорко всматривался въ бинокль, стараясь увидѣть на нашемъ курсѣ непріятеля. Я попросилъ убавить ходъ, т. к. угля оставалось лишь около 12 тоннъ. Командиръ попросилъ держать еще часъ полный ходъ ввиду близости японскихъ береговъ и непріятельскихъ судовъ. Кернъ приказалъ выдать командѣ горячую пищу, т. к. ночью этого сдѣлать было невозможно. Кромѣ того мы подсмѣнили усталую боевую машинную вахту машинистами и кочегарами отъ подачи. Осмотрѣвъ машины и кочегарки я нашелъ все въ порядкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія убавить ходъ, т. к. угля оставалось маловато и приходилось держать въ угольныхъ ямахъ для подгребанія 4-хъ кочегаровъ. Когда прошелъ часъ я снова поднялся на мостикъ чтобы получить разрѣшеніе сбавить ходъ, но въ это время была пробита боевая тревога т. к. за кормой „Громкаго" показался непріятельскій миноносецъ,открывшій по намъ огонь, а на горизонтѣ показались подозрительные дымки. Преслѣдовавшій насъ миноносецъ сильно дымилъ и факелы изъ его трубъ показывали что онъ идетъ полнымъ ходомъ, стараясь насъ нагнать. Не желая тревожить командира, я спустился съ мостика и съ этого момента понялъ, что сбавить ходъ невозможно и что съ этимъ исчезла всякая надежда прорваться во Владивостокъ. Я прошелъ на корму, гдѣ Потемкинъ съ комендорами готовилъ кормовое орудіе, а минный кондукторъ, по приказанію командира, ставилъ мины на малую глубину.

Скоро заговорило и наше орудіе. Снаряды непріятеля ложились за кормой не нанося намъ никакого вреда. Повидимому и наши снаряды не попадали въ японцевъ. Потемкинъ

просилъ сбавить ходъ, т. к. хотѣлъ обстрѣлять высокій бакъ миноносца. Я отправился снова на мостикъ и Кернъ сразу разрѣшилъ уменьшить ходъ, но не допускать непріятеля слишкомъ близко къ нашей кормѣ. Стоя у машиннаго люка, я командовалъ ходомъ, зорко слѣдя за боемъ. Снаряды непріятеля стали ложиться вдоль бортовъ „Громкаго" но попаданій не было. Наши снаряды ложились все ближе и ближе къ цѣли и, наконецъ, я увидѣлъ столбъ дыма и весь бакъ непріятеля загорѣлся при громкомъ „ура" нашей команды. Пожаръ въ носовомъ отдѣленіи заставилъ непріятеля уменьшить ходъ и скоро мы потеряли его изъ вида. Я началъ сбавлять ходъ и рѣшилъ вывести изъ дѣйствія кормовую кочегарку, гдѣ оставалось мало угля, когда вдругъ на перерѣзъ намъ появился новый японскій миноносецъ. Снова была пробита боевая тревога и я снова прибавилъ ходъ и доложилъ Керну, что скоро буду вынужденъ вывести кормовые котлы. Командиръ грустно улыбнулся, и указавъ на дымокъ приближающагося новаго непріятеля, сказалъ, что теперь это неважно, но надо держать полный ходъ до послѣдней крайности. Постоявъ съ минуту въ задуміи, Кернъ вдругъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ скомандовалъ: „всѣмъ лѣвымъ бортомъ приготовиться къ потопленію непріятеля". По приказанію командира рулевой положилъ руль круто на бортъ и „Громкій", описавъ циркуляцію, полнымъ ходомъ пошелъ на непріятеля, стараясь какъ можно ближе разойтись съ нимъ параллельными курсами. Миноносцы быстро сближались, всѣ, затаивъ дыханіе,заняли свои мѣста по расписанію. Я остался стоять у машиннаго люка съ лѣваго борта. Японцы, замѣтивъ нашъ маневръ тоже повернули всѣ свои орудія противъ насъ, ожидая момента сближенія. Когда миноносцы поравнялись, то оба осыпали другъ друга снарядами и пулеметнымъ огнемъ, а мы въ добавокъ выпустили въ непріятеля и двѣ свои мины, которыя, къ сожалѣнію, не попали въ цѣль.

Стрѣляли въ упоръ, а потому промаховъ не было. Миноносцы были всего лишь нѣсколько секундъ другъ противъ друга, но судя по нашимъ поврежденіямъ и потому, что непріятель сразу отсталъ и прекратилъ бой, вѣроятно у него ихъ было не меньше. Что касается насъ, то „Громкій", оставаясь до сего времени въ полномъ порядкѣ, представлялъ изъ себя довольно жалкую картину.

Около кормового миннаго аппарата лежали наповалъ убитые пулеметнымъ огнемъ кондукторъ и два минера. Вся палуба была покрыта кровью и кругомъ лежало несколько убитыхъ и раненыхъ. Нашъ горбатый фельдшеръ съ двумя санитарами дѣлалъ быстро перевязки, а тяжело раненыхъ спускали на носилкахъ въ каютъ-компанію. Потемкинъ, съ перевязанной рукой, возился около своего кормового орудія. Что касается самого миноносца, то онъ получилъ тяжелыя поврежденія въ кормѣ, начиная съ кормовой кочегарки. По крайней мѣрѣ два снаряда пробили пустыя угольныя ямы и разорвались, выведя изъ строя оба кормовыхъ котла. Изъ лѣваго входного люка, гдѣ была сбита крышка, съ ревомъ вырывался столбъ пара и дыма и кормовая дымовая труба была на половину сбита. Согласно расписанія, изъ машины былъ выведенъ лѣвый паропроводъ, а я бросился на котельный кожухъ и вмѣстѣ съ кондукторомъ Петровымъ закрыли главные стопорные клапана поврежденныхъ котловъ. Какъ только было возможно, санитары спустились въ кочегарку и донесли, что вся команда погибла. Оставивъ Петрова въ машинѣ, я спустился въ носовую кочегарку. Здѣсь все оказалось благополучно, и только какой то осколокъ или пулеметная пуля прорвали одну водогрѣйную трубку въ носовомъ котлѣ. Унт. офиц. Притворовъ пустилъ полнымъ ходомъ нагнетательные вентиляторы, а я, изолировавъ питаніе, перевелъ вспомогательную донку на соленую забортную воду. Паръ держался удовлетворительно и уровень въ водомѣрныхъ стеклахъ не понижался.

Въ это время „Сирануи", миноносецъ большаго водоизмѣщенія, началъ насъ усиленно обстрѣливать своими 120 м/м. орудіями, но держался на значительномъ разстояніи, избѣгая наши снаряды. Въ кочегаркѣ было спокойно и тихо. Лампочки уютно освѣщали помѣщеніе, и если бы не стрѣльба, можно было подумать, что мы находимся въ мирной обстановкѣ. Давъ инструкціи до послѣдней крайности держать паръ въ котлахъ, я поднялся снова на палубу.

Хотя за время моего отсутствія въ миноносецъ и попало нѣсколько снарядовъ, но онъ шелъ около 18 узловъ и энергично отстрѣливался отъ непріятеля. Вездѣ пахло непріятнымъ запахомъ шимозы и надъ палубой замѣтенъ былъ желтоватый дымокъ отъ рвавшихся снарядовъ.

Я снова поднялся на командный мостикъ, чтобы доложить командиру о принятыхъ мною мѣрахъ. Кернъ попросилъ

тихимъ голосомъ приготовиться ко всякимъ случайностямъ и стараться все время быть у него на виду. „Сирануй" рѣшилъ сблизиться, и имѣя преимущество хода, старался всѣмъ бортомъ нанести намъ наибольнія поврежденія. Скоро носовое орудіе было сбито и затоплены носовые погреба. Кромѣ того загорѣлась каютъ-компанія отъ разорвавшагося снаряда, убившаго всѣхъ трехъ тяжело раненыхъ матросовъ и смертельно ранивъ нашего бѣднаго горбатаго фельдшера. Пожаръ былъ скоро потушенъ, а фельдшера вынесли на палубу.

Кернъ рѣшилъ держать непріятеля за кормой для возможности дѣйствовать кормовымъ орудіемъ и подставлять японцамъ наименьшую цѣль. Этотъ маневръ на нѣсколько минутъ облегчилъ наше положеніе, но „Сирануй", имѣя большое преимущество въ ходѣ, часто заходилъ то слѣва, то справа, кроя насъ разрывными снарядами.

Ко мнѣ подошелъ усталый Паскинъ и хотѣлъ что то сказать, какъ вдругъ какъ-то сложился и упалъ на палубу, раненый въ оба бока и руку осколками близразорвавшагося снаряда. Перевязавъ Паскина полотенцемъ, я уложилъ его на матрасъ близъ машиннаго люка, гдѣ онъ и находился до конца боя. Больше я ничего сдѣлать не могъ, т. к. два снаряда одинъ за другимъ попали въ носовую кочегарку и, снеся надъ вторымъ котломъ кожухъ, вывели этотъ котелъ изъ дѣйствія. Паръ вырывался черезъ разрушенный кожухъ. Мнѣ удалось забѣжать съ подвѣтреной стороны къ стопорному клапану и вывести этимъ котелъ изъ общей цѣпи. Паръ сразу пересталъ вырываться изъ кочегарки и я, открывъ правый входной люкъ спустился въ нее. Къ моей радости, я увидѣлъ невредимымъ Притворова у носового котла, а скоро къ намъ присоединились и другіе кочегары, вылѣзая изъ подъ заранѣе приготовленныхъ брезентовъ. Я поздравилъ команду со счастливымъ спасеніемъ и просилъ до послѣдней крайности держать пары въ послѣднемъ нашемъ котлѣ, дающимъ возможность миноносцу маневрировать. Я пробылъ въ кочегаркѣ не болѣе пяти минутъ, но когда вылѣзалъ изъ люка, который былъ почти что подъ мостикомъ, я увидалъ надъ собой Керна, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего появленія и крикнулъ: „топите миноносецъ, т. к. патронныя погреба затоплены и скоро будетъ нечѣмъ стрѣлять". Я быстро спустился въ машинное отдѣленіе, которое, не смотря на жестокій бой, оставалось въ

полной исправности, т. к. ни одинъ снарядъ не попалъ въ эту часть судна. Я выслалъ всю команду наверхъ и вмѣстѣ съ Петровымъ открылъ оба кингстона. Затѣмъ, вооружившись зубилами и ручниками, мы быстро прорубили большія проточныя мѣдныя трубы холодильниковъ. Вода сразу хлынула изъ за борта и быстро начала заливать машинное отдѣленіе. Скоро вода поднялась выше площадокъ и мы стояли по колѣно въ водѣ. Помогая другъ другу, мы съ Петровымъ съ трудомъ поднялись по наклоненному на правый бортъ трапу. Въ послѣдній разъ я окинулъ прощальнымъ взглядомъ дорогія мнѣ машины, которыя все еще медленно вращались на передній ходъ и пошелъ доложить командиру что миноносецъ затопленъ и теперь никто не будетъ въ состояніи его спасти. Кернъ спокойно откозырялъ и приказалъ мнѣ уничтожить коды и денежный ящикъ. Въ это время „Сирануй" и подоспѣвшій непріятельскій миноносецъ прекратили стрѣльбу и „Сирануй" поднялъ какой то сигналъ, вѣроятно предлагая сдаться. Въ это время Потемкинъ съ комендорами исправили свое орудіе и снова открыли огонь по „Сиранную", который тоже снова открылъ стрѣльбу по „Громкому". Нашъ миноносецъ быстро погружался и тяжело покачивался на волнахъ, подвигаясь малымъ ходомъ впередъ. Часть палубы праваго борта была уже подъ водой. Я съ трудомъ пробрался въ штурманскую рубку и вмѣстѣ съ двумя матросами началъ уничтожать коды, передавая ихъ матросамъ, а тѣ выбрасывали ихъ за бортъ. Наконецъ и денежный ящикъ былъ утопленъ. Я наклонился, чтобы провѣрить, что все нужное уничтожено, какъ въ это мгновеніе блеснулъ огонь въ рубкѣ, которая заполнилась противнымъ запахомъ шимозы, меня рѣзко подкинуло и я потерялъ сознаніе. Когда я пришелъ къ себя, я лежалъ съ пробковымъ поясомъ на матрасѣ рядомъ съ бредящимъ Паскинымъ, а надомною стоялъ мой вѣрный Петровъ, старавшійся привести меня въ чувство. Мой кондукторъ объяснилъ, что онъ извлекъ меня изъ подъ убитыхъ матросовъ въ рубкѣ, куда попалъ и разорвался непріятельскій снарядъ. Хотя у меня и отнялась лѣвая рука, горѣла спина и лѣвый глазъ былъ закрытъ, но я чувствовалъ себя хорошо и никакой боли не было. Въ это время я услышалъ голосъ Керна, приказывающій командѣ покидать судно. Я вспомнилъ моихъ вѣрныхъ кочегаровъ, которые, я зналъ, не покинуть носовую кочегарку безъ моего

приказанія, легко поднялся на ноги и пошелъ по лѣвому сухому борту къ кочегарному люку, надъ которымъ на мостикѣ стоялъ Кернъ. Мой видъ, вѣроятно, былъ не совсѣмъ пріятный, т. к. я весь былъ покрытъ кровью своей и убитыхъ матросовъ, верхъ моей фуражки былъ сорванъ и внутри были волосы съ запекшейся кровью. Увидѣвъ меня, Кернъ крикнулъ мнѣ: „бросайтесь немедленно за бортъ!". Я подошелъ къ кочегарному люку и приказалъ командѣ покинуть кочегарку. Ожидая выхода команды, я остался стоять подъ лѣвымъ крыломъ мостика. Въ это время мостикъ былъ не поврежденъ и всѣ, включая Керна, Шелашникова и двухъ матросовъ были невредимы. Внезапно непріятельскій снарядъ попалъ въ мостикъ надъ моей головой и, уничтоживъ его, убилъ командира, Шелашникова и матросовъ и взрывомъ выбросилъ меня за бортъ. Холодная вода сразу привела меня въ чувство и я, какъ пробка, то подымался на волнѣ и видѣлъ миноносецъ, то снова погружался между волнами. „Сирануй" и другой миноносецъ прекратили стрѣльбу и спустили шлюпки, которыя держались вдалекѣ отъ „Громкаго", т. к. Потемкинъ все еще отстрѣливался кормовымъ пулеметомъ. Я инстинктивно поплылъ къ „Громкому", но онъ сразу легъ на правый бортъ касаясь боевыми стеньговыми флагами поверхности воды. Пролежавъ не болѣе 2-хъ секундъ въ такомъ положеніи, онъ вдругъ опрокинулся килемъ кверху и пошелъ ко дну. Въ это время я услышалъ крики моихъ матросовъ, призывающихъ меня къ себѣ. Петровъ и матросы держались за плававшую сходню, на которой лежали умирающій фельдшеръ и тяжело раненый машинный содержатель съ оторваной правой ногой. Я подплылъ къ сходнѣ и мы вмѣстѣ наблюдали, какъ непріятельскія шлюпки подбирали нашу команду. Шлюпка съ „Сирануя", подобравъ изъ воды Паскина и нѣсколькихъ матросовъ вернулась къ своему миноносцу и быстро была поднята. Другой непріятельскій миноносецъ тоже поднялъ шлюпку, далъ ходъ и скоро скрылся за горизонтомъ. Мы остались одни держась вмѣстѣ за сходню. „Сирануй" тоже далъ ходъ, но пошелъ къ намъ и выбросивъ за бортъ концы, жестами и криками предлагали намъ ими воспользоваться. Съ трудомъ мы приблизились къ борту „Сирануя" и обвязавъ раненыхъ концами передали ихъ на миноносецъ. Затѣмъ легко раненые своими силами поднялись на палубу миноносца. Когда вся ко-

манда была поднята изъ воды, я настолько обезсилилъ, что японскому офицеру и матросу пришлось спустится на концахъ въ воду и обвязать меня концами, чтобы поднять на „Сирануй". Немедленно японскій фельдшеръ обмылъ мои раны и сдѣлалъ перевязку головы. Что касается парализованной руки, то она была подвѣшана на лямку. Какъ только я былъ приведенъ въ порядокъ, офицеръ помогъ мнѣ взобраться на командный мостикъ, обвѣшанный для защиты толстыми перлинями, гдѣ меня очень любезно встрѣтилъ пожилой командиръ который немедленно заставилъ выпить залпомъ большой стаканъ рома. Пожавъ мнѣ руку, онъ черезъ офицера, говорящего по нѣмецки, просилъ оставаться на палубѣ съ моей командой и не спускаться внизъ, гдѣ находятся его раненые. Спускаясь съ мостика я замѣтилъ какъ мало мы нанесли повреждений „Сирануя". Сбита была лишь одна шлюпъ-балка и было нѣсколько мелкихъ пробоинъ въ дымовыхъ трубахъ. Умирающій фельдшеръ пришелъ въ сознаніе и просилъ меня передать окровавленное письмо его родственникамъ. Обойдя раненыхъ и покрывъ Паскина одѣяломъ, я размѣстилъ свою команду около кожуха котловъ. „Сирануй" далъ ходъ и проходилъ мѣсто гибели „Громкаго". Ничего не было видно кромѣ волнующагося моря. Я невольно посмотрѣлъ на свои часы, которые остановились, залитые соленой водой, и стрѣлки показывали 12 ч. 21 м. Приблизительно это время и надо считать концомъ короткой доблестной службы подъ Андреевскимъ флагомъ эскадреннаго миноносца „Громкій".

Помяни Господи во Царствіи Твоемъ всѣхъ тѣхъ, кто вѣрные своей присягѣ, начиная отъ командира, кап. 2 р. Георгія Федоровича Кернъ и кончая послѣднимъ нижнимъ чиномъ, нашли свое мѣсто упокоенія въ пучинахъ моря.

* * *

Замѣченная опечатка: Томъ XIII, № 4, страница 7, строка 9-я сверху слѣдуетъ читать „Пронзительный", а не „Проницательный".

* * *

Инж. мех. капитанъ 1 ранга Вадимъ Владиміровичъ Саксъ, вѣроятно одинъ изъ немногихъ живыхъ участниковъ Цусимскаго боя на эск. мин. „Громкомъ", окончилъ Морское Инженерное Училище въ 1898 г. Послѣ плаваній на „Петропавловскѣ", „Адмиралѣ Ушаковѣ" и „Крей-

серѣ" и окончанія Николаевской Морской Академіи въ 1904 г., онъ назначается стар. инж. мех. на „Громкій". За Цусимскій бой В. В. былъ награжденъ Золотымъ оружіемъ, Владиміромъ 4-ой ст. съ мечами и произведенъ въ чинъ капитана. Съ 1906 по 1909 г. былъ наблюдающимъ за постройкой миноносцевъ, принималъ участіе въ испытаніяхъ эск. мин. „Новикъ" и состоялъ наблюдающимъ за постройкой ледоколовъ „Таймыръ" и „Вайгачъ", разрабатывая вмѣстѣ со стар. лейт. А. В. Колчакомъ детали этихъ судовъ для полярнаго плаванія. Съ 1909 по 1912 г. В. В. — стар. инж. мех. крейсера „Богатырь", затѣмъ стар. наблюдающій за постройкой механизмовъ лин. кор. „Гангутъ" и „Полтава". Послѣ заграничной командировки былъ назначенъ стар. инж. мех. на „Гангутъ", гдѣ разработалъ спеціальные упорные подшипники турбинъ, давшіе возможность лин. кор. типа „Гангутъ" давать свыше 23-хъ узловъ. Въ 1915 г. за отличіе былъ произведенъ въ капитатны 1 ранга и переведенъ въ Морской Техническій Комитетъ. Въ концѣ 1915 г. былъ назначенъ Представителемъ Мор. Тех. Ком. и Уполномоченнымъ отъ Мор. Министерства въ Русскомъ Прав. Комитетѣ въ Лондонѣ.

Послѣ 1917 г. В. В. организовалъ въ Лондонѣ компанію, въ которой состоялъ главнымъ инженеромъ и директоромъ до 1939 г. когда, съ началомъ 2-ой Міровой войны былъ призванъ на казенную службу и завѣдывалъ большимъ заводомъ, работающимъ на оборону. По окончаніи войны, въ 1946 г. вышелъ въ отставку и теперь занимается консультаціями и состоитъ переводчикомъ по техническимъ вопросамъ при Министерствѣ снабженія.

Краткій очеркъ дѣйствій флота при эвакуаціи Крыма въ ноябрѣ 1920 г. и пребываніе его на чужбинѣ

(Продолженіе)

ЭВАКУАЦІЯ ЕВПАТОРІИ

Въ серединѣ октября всѣмъ мелкосидящимъ судамъ 3-го Отряда Судовъ, базировавшагося до сихъ поръ на Тендровскій заливъ, было приказано Командующимъ Флотомъ перейти въ Каркиницкій заливъ. На Тендрѣ оставались: крейсеръ „Генералъ Корниловъ" и кан. лод. „Альма", которымъ вмѣнялось строго слѣдить за непріятелемъ на лиманѣ и предупреждать переходъ красныхъ судовъ изъ Николаева въ Одессу. 22-го октября (ст. ст.) болиндеры (вооруженныя баржи) Б-1, Б-2 и Б-3, на буксирѣ катеровъ ушли въ Каркинитскій заливъ, гдѣ присоединились къ вспомагательному крейсеру „Бугъ" и болиндеру Б-4.

Въ ближайшіе дни ожидалось рѣшительное наступленіе противника съ цѣлью ворваться въ Крымъ, а потому того же 22-го числа старшему морскому начальнику въ Каркинитскомъ заливѣ было приказано установить болиндеры на позицію у Картъ-Казака, соединивъ ихъ связью съ берегомъ. Базу отряда было приказано имѣть въ Сыры-Булатѣ.

Старшій Морской Начальникъ въ Каркинитскомъ заливѣ подчинялся въ оперативномъ отношеніи Командующему Фронтомъ генералу Кутепову. Того же 22-го числа крейсеръ „Ген. Корниловъ" былъ срочно вызванъ съ Тендры въ Севастополь, а кан. лод. „Альма" — въ Каркинитскій заливъ. 23-го октября вышелъ изъ Каркинитскаго залива въ Севастополь и послѣдній пароходъ — „Саратовъ" съ баржей на буксирѣ, груженные зерномъ изъ Скадовска. 26-го числа Комендантъ Порта въ Евпаторіи получилъ приказаніе Командующаго Флотомъ временно задержать паровую шхуну „Ельпидифоръ" въ Евпаторіи, что и было имъ исполнено. 27-го октября, вновь назначенному въ Евпаторію контръ-адмиралу Клыкову были даны

инструкціи на случай эвакуаціи, по которымъ, согласно директивѣ Штаба Главнокомандующаго, на Евпаторію должна была отступить одна дивизія 1-го корпуса численностью до 4000 чел. 28-го октября суда въ Каркинитскомъ заливѣ артиллерійскимъ огнемъ поддерживали нашъ лѣвый флангъ у Ющуя, получая корректировку съ берега. Стрѣльбѣ, а главнымъ образомъ передвиженію нашихъ судовъ въ заливѣ сильно мѣшала погода, т. к. дулъ Нордъ-Остовый штормъ, а заливъ покрылся льдомъ до 3-хъ вершковъ толщиной. Въ тотъ же день Комендантъ Порта въ Евпаторіи получилъ приказаніе отъ Штаба Флота срочно выслать п/х. „Бештау" въ Севастополь, а польскій п/х. „Полонію" задержать въ Евпаторіи, использовавъ его для эвакуаціи населенія и гражданскихъ учрежденій. Кромѣ того было приказано срочно озаботиться погрузкой на суда продовольствія для войскъ и населенія. 29-го октября наши суда — вооруженныя баржи еще стояли на позиціяхъ въ Каркинитскомъ заливѣ, хотя Юшинскія позиціи были оставлены нашими частями еще наканунѣ вечеромъ и только въ этотъ день Начальникъ Судов въ этомъ заливѣ получилъ экстренное приказаніе (радіо № 2984) со всѣми судами и плавучими средствами перейти въ Евпаторію, гдѣ вступить въ распоряженіе адмирала Клыкова. Транспортъ „Добыча" тоже въ этотъ день прибылъ въ Евпаторію изъ Севастополя. Въ этотъ же день Старшій Морской Начальникъ въ Евпаторіи, какъ и начальники въ другихъ портахъ Крыма, получилъ отъ Штаба Флота слѣдующее приказаніе: — Продолжать выполненіе директивы. Положеніе на фронтѣ значительно улучшилось. Задерживайте корабли въ портахъ до послѣдней возможности. № 2990. —

Кромѣ того по радіотелеграфу Штабомъ Флота было приказано немедленно закрыть на судахъ радіо-рубки, приставивъ къ нимъ часовыхъ. Пріемъ радіо для Евпаторіи разрѣшался только станціи флагманскаго корабля — транспорту „Добыча". 30-го октября, во исполненіе директивы — итти въ Евпаторію, наши суда Каркинитскаго залива вышли въ густомъ туманѣ и на высотѣ Акъ-Мечети, въ 4-хъ миляхъ отъ нея, въ 9 ч. 40 м., вспомогательный крейсеръ „Бугъ" (к-ръ В. В. Вилькенъ) сѣлъ на мель. Не смотря на всѣ принятыя мѣры и разгрузку судна при помощи болиндера, всѣ усилія не увѣнчались успѣхомъ и „Бугъ" снять не удалось. Въ ночь

съ 30-го на 31-ое „Бугъ" былъ приведенъ своимъ командиромъ въ негодность: въ машинахъ были сняты кулисы, снятъ радіотелеграфъ, а у орудій сняты замки, которые вмѣстѣ съ командой были погружены на пос. судно „Атаманъ Калединъ" и болиндеръ № 2, послѣ чего судно было покинуто. Въ полдень 30-го въ Евпаторіи находились слѣдующія суда: транспорты „Добыча", № 411, „Ельпидифоръ" и польскій п/х. „Полонія". Поэтому Старшій Морской Начальникъ запросилъ, когда прибудутъ предполагавшіяся для Евпаторіи дополнительныя суда, а именно № 412 и „Христи".

Посадка началась съ утра въ порядкѣ указанномъ Штабомъ, а именно начиная съ раненыхъ и больныхъ. Изъ за мелководья транспорты стояли на якорѣ на рейдѣ, а войска и населеніе доставлялись съ пристани на катерахъ, фелюгахъ и шаландахъ. Въ 22 часа Стар. Морск. Начальникъ донесъ Командующему Флотомъ, что имѣемые транспорты погружены и ждетъ присылки остальныхъ. Между тѣмъ транспортъ № 412 находился въ Севастополѣ и предполагался къ посылкѣ съ углемъ въ Керчъ, но затѣмъ это было измѣнено и Штабъ Флота направилъ его въ Евпаторію. Къ 23 часамъ стали подходить отступающія на Евпаторію части и начали грузиться на суда, о чемъ Стар. Морск. Начальникъ донесъ Командующему Флотомъ. Кромѣ того, согласно имѣвшимся распоряженіямъ, въ ночь на 31-е изъ Евпаторіи въ Севастополь былъ посланъ польскій п/х. „Полонія". Такъ какъ Стар. Морск. Начальникъ въ Евпаторіи расчитывалъ на присылку дополнительныхъ судовъ въ его распоряженіе, то Командующій Флотомъ послалъ ему по радіо слѣдующее приказаніе: — № 3002. Больше транспортовъ не будетъ. Приказываю грузить воинскія части на транспорта, которые у Васъ имѣются. Если они загружены тыловыми частями и населеніемъ, то согласно моего радіо надо сначала грузить раненыхъ и отступающія части. —

Въ эту же ночъ всѣмъ Стар. Морскимъ Начальникамъ былъ по радіо переданъ приказъ Главнокомандующаго о подъемѣ всѣми судами при входѣ въ Босфоръ на форъ стеньгѣ французскаго флага. Къ разсвѣту 31-го, Стар. Морск. Начальникъ въ Евпаторіи донесъ Командующему Флотомъ: — Погружены раненые, лазареты, Кадетскій Донской Корпусъ, войска мѣстнаго гарнизона, войсковые круги съ семьями, гражданскія

власти и интендантскіе грузы. — Когда была закончена посадка и прибывшихъ Марковскихъ частей, то Стар. Морск. Начальникъ донесъ: — эвакуацію закончилъ. Прошу распоряженій. —

Утромъ же 31-го Стар. Морск. Нач-ку стало извѣстно, что „Бугъ" снять не удалось и что онъ приведенъ въ негодность и брошенъ, а потому не имѣя больше радіосвязи съ Каркинитскимъ заливомъ, запросилъ о нашихъ судахъ въ заливѣ Штабъ Флота. Вскорѣ пришелъ въ Евпаторію изъ Каркинитскаго залива катеръ „Работникъ" съ болиндеромъ В-1. Поэтому въ 11 ч. 30 м. Стар. Морск. Нач-къ снова донесъ Командующему Флотомъ: — Эвакуацію закончилъ еще вчера. Всѣ суда погружены до крайней возможности. Прибылъ „Работникъ" и Б-1. Стою внѣ обстрѣла артиллеріей. Прошу дальнѣйшихъ указаній. — Такъ какъ радіосвязь съ 3-мъ Отрядомъ Судовъ была ненадежна и Командующій Флотомъ не былъ еще увѣренъ о окончательномъ оставленіи „Буга", то въ 18 ч. 15 м., давая по радіо приказаніе слѣдовать въ Константинополь потопивъ болиндеры, а плавучія средства стараясь довести до Константинополя, Командующій Флотомъ запросилъ Стар. Мор. Н-ка въ Евпаторіи: — Гдѣ „Бугъ" и можетъ ли онъ итти по назначенію. — 1-го ноября Командующій Флотомъ, не получая изъ Евпаторіи новыхъ донесеній, приказалъ Стар. Мор. Н-ку не ждать „Буга" и донести когда отрядъ выйдетъ по назначенію. Не имѣя всетаки увѣренности въ полученіи Стар. Мор. Н-комъ въ Евпаторіи этого приказанія, Командующій Флотомъ приказалъ Начальнику Минной Бригады, стоявшему на эск. мин. „Пылкій" у Бельбека, прослѣдовать въ Евпаторію и передать адмиралу Клыкову слѣдовать со своимъ отрядомъ въ Константинополь. Между тѣмъ въ Евпаторію подошло изъ Каркинитскаго залива буксиры „Скифъ" и „Язонъ" съ болиндерами и командой „Буга", а потому Стар. Мор. Нач-къ въ Евпаторіи во исполненіе приказаній, привелъ въ негодность и затопилъ болиндеры, взялъ команду „Буга" къ себѣ и въ 14 час. со всѣми судами вышелъ въ Константинополь. Количество людей (насколько точно можно было выяснить) принятое судами въ Евпаторіи было слѣдующее: Транспортъ „Добыча" — 3400 чел., „№ 411" — 1600 чол., „№ 412" — 1400 чел., пар. шхуна „Ельпидифоръ" — 1150 чел., буксиръ „Скифъ" — 25 чел. и катеръ „Работникъ" — 16 чел.

Посыльное судно „Атаманъ Калединъ" и кан. лодка „Альма" изъ Каркинитскаго залива пошли прямо въ Севастополь, гдѣ кан. лодка „Альма", за непригодностью къ дальнѣйшей службѣ, была по приказанію Штаба Флота уничтожена своимъ командиромъ, а посыльное судно „Атаманъ Калединъ" вышелъ въ Константинополь совмѣстно съ другими судами изъ Севастополя. Когда эск. мин. „Пылкій" вечеромъ 1-го ноября пришелъ въ Евпаторію, то онъ 3-го Отряда Судовъ уже тамъ не засталъ, а нашелъ лишь затопленные болиндеры. Простоявъ всю ночь на Евпаторійскомъ рейдѣ и убѣдившись утромъ, что судовъ нашихъ тамъ нѣтъ, Наминбриг донесъ объ этомъ Командующему Флотомъ и, получивъ приказаніе слѣдовать по назначенію, въ 8 ч. 30 м. 2-го ноября пошелъ на эск. мин. „Пылкій" въ Константинополь.

Эвакуація Евпаторіи протекала вполнѣ спокойно и планомѣрно и никакихъ попытокъ мѣшать ей со стороны непріятеля не было.

Всѣ вышедшія изъ Евпаторіи суда при хорошей погодѣ въ морѣ, благополучно прибыли въ Константинополь и только небольшой буксиръ „Язонъ", шедшій на буксирѣ парохода „Ельпидифоръ", обрубивъ ночью буксиры, ушелъ видимо въ Севастополь. На „Язонѣ", кромѣ своей команды — человѣкъ 10-15, никого больше не было.

ЭВАКУАЦІЯ ЯЛТЫ.

По дислокации войскъ на случай эвакуаціи, въ Ялтѣ предполагалось къ посадкѣ 10000 чел. Директивой Штаба Главнокомандующаго отъ 27-го октября указывалось, что на Ялту отступитъ Конный корпусъ генерала Барбовича.

26-го октября Командующимъ Флотомъ было приказано Коменданту Порта Ялты задержать временно въ Ялтѣ паровую шхуну „Петръ". 27-го числа Комендантъ Ялтинскаго порта контръ-адмиралъ Левицкій былъ назначенъ Старшимъ Морскімъ Начальникомъ въ Ялтѣ и получилъ соотвѣтствующія инструкціи на случай эвакуаціи. 28-го октября Стар. Мор. Нач-къ въ Ялтѣ получилъ отъ Командующаго Флотомъ слѣдующее приказаніе: № 2977 оп. — Для раненыхъ „Цесаревичъ Георгій", для войскъ „Крымъ", „Фараби" и населенія „Текла Бунъ". Приготовьтесь къ полной эвакуаціи черезъ 72 часа. Маршрутъ дополнительно. —

Съ этого момента началось сосредоточеніе пароходовъ въ Ялтѣ. Къ вечеру пришелъ п/х. „Цесаревичъ Георгій" и былъ привлеченъ къ эвакуаціи стоявшій въ порту итальянскій п/х. „Корвинъ". Ночью Стар. Морск. Нач-къ получилъ изъ Севастополя отъ Командующаго Флотомъ приказаніе срочно озаботится погрузкой продовольствія на пароходы для войскъ и населенія. Что касается п/х-въ: американскаго „Фараби" и французскаго „Текла Буленъ", то они находились въ Феодосіи.

29-го вышелъ въ Ялту изъ Севастополя транс. „Крымъ" и на запросъ Штаба Флота, какія суда стоятъ въ Ялтѣ, Стар. Морск. Нач-къ донесъ, что къ 11 ч. 29-го въ Ялтѣ находились: Пос. суд. „Севастополь", моторные катера „Петръ" и „Василій", п/х-ы „Цесаревичъ Георгій", „Румянцевъ", „Сурожъ", „Петръ", „Алушта", „Гурзуфъ", итальянскій п/х. „Корвинъ", пять русскихъ моторныхъ шхунъ, двѣ парусныя шхуны, три парусно-моторныхъ турецкія шхуны, шесть турецкихъ парусныхъ шхунъ, англійское пос. суд. „Діантусъ" и бельгійское моторное судно „Баку". Изъ этихъ судовъ п/х. „Румянцевъ", „Петръ" и „Сурожъ" ушли въ тотъ же день въ Севастополь, а также ушло англійское пос. судно „Діантусъ". Въ тотъ же день было приступлено къ погрузкѣ на п/х. „Цесаревичъ Георгій" интендантскихъ грузовъ, продовольствія и раненыхъ и больныхъ. 30-го погрузка интендантскихъ грузовъ была закончена, а погрузка раненыхъ, учрежденій и населенія продолжалась. 30-го же зашла въ Ялту, крейсировавшая вдоль южнаго берега Крыма, подводная лодка „АГ-22". Въ Ялтѣ подв. лодка „АГ-22" получила приказаніе итти въ Севастополь и въ тотъ же день она туда вышла. Кромѣ того пришли французское посыльное судно „Туль" и еще два судна, которыя брали французскихъ подданыхъ, а также и русскихъ, главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей.

Конный корпусъ, отступавшій на Ялту, отходилъ изъ Крыма послѣднимъ, а потому его передовыя части стали прибывать въ Ялту лишь 31-го числа. Для этого корпуса былъ назначенъ транспортъ „Крымъ". 31-го пришелъ въ Ялту французскій п/х. „Текла Буленъ". Между тѣмъ, такъ какъ ожидавшійся въ Ялту изъ Феодосіи американскій п/х. „Фараби" 31-го утромъ въ Ялту не пришелъ, то въ Ялтѣ возникъ вопросъ о нехваткѣ тоннажа.

31-го въ 11 ч. 50 м. генералъ Драценко, вѣдавшій до прибытія въ Ялту генерала Барбовича, посадкой войскъ, донесъ

по прямому проводу въ Штабъ Главнокомандующаго, что у него есть свободный корабль и непогруженныхъ 5000 чел. кадетъ, конвоя, гарнизона и администраціи. Если же Конный корпусъ не прійдетъ, то можно спасти больше половины. На это генералу Драценку было Штабомъ Главкома отвѣчено, что Конный корпусъ идетъ на Ялту и ночевалъ въ районѣ Сарабуза, что Начальникъ Штаба Главкома приказалъ гарнизонъ, кадетъ и конвой грузить на американское и французское суда, которыя изъ Феодосіи должны прійти въ Ялту. Между тѣмъ генералъ Драценко вновь просилъ немедленно выяснить этотъ вопросъ, ибо время не терпитъ, погрузка требуетъ цѣлаго дня и если Конный корпусъ прійдетъ, то ввиду неприбытія американцевъ, которые и сейчасъ еще стоятъ въ Феодосіи, а также отказа французовъ принимать на корабль не болѣе 200 женщинъ, — онъ долженъ будетъ объявить кадетамъ, конвою и гарнизону, что они бросаются. Поэтому ген. Драценко вновь просилъ — пусть лучше Конный корпусъ идетъ въ Севастополь и тогда удастся спасти большую половину. На это было опять отвѣчено, что Конный корпусъ уже пошелъ на Ялту и свернуть его на Севастополь нельзя. Разговоръ этотъ былъ срочно препровожденъ Генералъ-Квартирмейстеромъ Командующему Флотомъ съ резолюціей Начальника Штаба: — Прошу Комфлота срочно снестись съ французскимъ адмираломъ и просить его указать французскому кораблю, прибывшему въ Ялту, принять до отказа семьи офицеровъ, кадетъ и казаковъ конвоя. Прошу увѣдомить какіе пароходы и на какое число людей Вы отправляете сегодня въ Ялту. № 008889. —

На этотъ запросъ Командующій Флотомъ послалъ по проводу черезъ Генквармглава слѣдующую телеграмму: — Генералу Драценко, копія Генквармглава для доклада Главкому — Къ Вамъ въ Ялту идетъ п/х. „Константинъ", на который посадите кадетъ, конвой, гарнизонъ и администрацію. Обязательно оставьте п/х. „Крымъ" для Коннаго корпуса. —

Кромѣ ожидаемаго изъ Константинополя п/х. „Константинъ", въ Ялту Командующимъ Флотомъ была послана 31-го изъ Севастополя паровая шхуна „Христи". По приходѣ въ Ялту „Христи" на нее была посажена часть Кадетскаго корпуса. Въ этотъ день, послѣ полдня, пришелъ въ Ялту американскій п/х. „Фараби", принимавшій, главнымъ образомъ, населеніе. 1-го ноября началъ на „Крымъ" грузиться Конный корпусъ.

Нагруженный п/х. „Цесаревичъ Георгій” отошелъ отъ мола и сталъ на рейдѣ, а на его мѣсто у мола сталъ пришедшій послѣ полдня п/х. „Константинъ”. На него грузилось населеніе, конвой, кадетскій корпусъ и администрація.

Поздно вечеромъ 1-го числа пришелъ по приказанію Командующаго въ Ялту еще пароходъ „Русь”. Съ 1-го ноября пароходы, уже кончившіе погрузку, начали выходить въ Константинополь. 2-го ноября въ 9 ч. 50 м. утра въ Ялту на крейсерѣ „Генералъ Корниловъ” прибылъ Главнокомандующій. Нѣсколько раньше „Генералъ Корниловъ” прибылъ ледоколъ „ Гайдамакъ”, вышедшій изъ Севастополя совмѣстно съ „Ген. Корниловымъ”. Главнокомандующій съѣхалъ съ Начальникомъ Штаба Флота контръ-адмираломъ Машуковымъ на берегъ и посѣтилъ мѣсто посадки Коннаго корпуса на „Крымъ”.

Убѣдившись, что эвакуація заканчивается и все идетъ гладко, Главнокомандующій на „Генералъ Корниловъ” въ сопровожденіи „Гайдамака” ушелъ въ Феодосію. Послѣдній русскій пароходъ покинулъ Ялту 2-го ноября въ 13 ч. 15 м. Въ этотъ же день въ 14 ч. 18 м. Командующій Флотомъ, опасаясь не остались ли еще люди въ Ялтѣ, обратился по радіо къ французскому адмиралу Дюмениль, на крейсерѣ „Вальдекъ Руссо” обходившему со своими судами порты Крыма, съ просьбой взять людей, оставшихся въ Ялтѣ на молу. Въ 16 ч. 25 м. французскій адміралъ по радіо сообщилъ Командующему Флотомъ, что имъ сняты съ мола въ Ялтѣ одинъ матросъ и два солдата.

Порядокъ выхода судовъ изъ Ялты и приблизительное число людей на нихъ погруженныхъ, слѣдующій:

1-го ноября:

П/х. „Цесаревичъ Георгій” — 1841 чел., итальянскій п/х. „Корвинъ” — 2001 чел., пар. шхуна „Христи” — 600 чел., французскій п/х. „Текла-Буленъ” — 546 чел., п/х. „Константинъ” — 1640 чел.,

2-го ноября:

Трансп. „Крымъ” — 5380 чел., п/х. „Русь” — 764 чел.

Кромѣ этихъ судовъ изъ Ялты вышло еще нѣсколько парусно-моторныхъ шхунъ: „Свѣтлана” — 22 чел., „Викторія” — 32 чел., бельгійская „Баку” — 42 чел., турецкая „Минаэтка Багри” — 40 чел. и другія.

Эвакуація прошла спокойно и безъ помѣхъ. Изъ судовъ въ Ялтѣ были оставлены только два небольшихъ каботаж-

ныхъ парохода „Гурзуфъ" и „Алушта", за ихъ непригодностью выдержать переходъ черезъ Черное море.

Всѣ вышедшія изъ Ялты суда благополучно пришли въ Константинополь.

ЭВАКУАЦІЯ ФЕОДОСІИ.

Къ 26-му октября на рейдѣ Феодосіи находились слѣдующіе транспорты и пароходы: „Донъ", „Екатеринодаръ", „Владиміръ", Корниловъ", „Хараксъ" и „Петръ Региръ", американскій п/х. „Фараби" и итальянскій „Маркъ Аурелій", скоро ушедшій.

Старшимъ Морскимъ Начальникомъ на рейдѣ былъ старшій изъ командировъ, командиръ транспорта „Донъ", капитанъ 1 ранга Зеленый. Еще раньше, а именно 23-го числа, въ предвидѣніи возможности эвакуаціи, Командующимъ Флотомъ было предписано Коменданту Феодосійскаго порта транспортъ „Донъ" предоставить подъ военные грузы и по требованію начальника базы на него произвели погрузку. Ввиду полученныхъ тревожныхъ свѣдѣній о дѣятельности зеленыхъ, Начальникомъ Феодосійскаго Военно-Административнаго района, а также Комендантомъ Феодосійскаго порта 24-го октября была испрошена у Командующаго Флотомъ присылка военнаго судна для охраны порта и ближайшего побережья. Для этой цѣли была послана изъ Севастополя въ Феодосію кан. лодка „Кавказъ". 26-го октября Стар. Морск. Н-ку въ Феодосіи, кап. 1 р. Зеленому Командующимъ Флотомъ было сообщено первое предупрежденіе о возможности эвакуаціи. 27-го ему же было предписано Командующимъ Флотомъ телеграммой за № 2959/оп.: — Въ ближайшіе дни предполагается большая переброска войскъ, изъ Феодосіи до 20000 чел. Срочно дайте уголь на всѣ транспорты, взявъ необходимый съ „Арарата". Къ Вамъ идетъ п/х. „Ріонъ". Срочно принимайте изъ базы продовольствіе на указанное число войскъ. Примите мѣры охраны транспортовъ отъ зеленыхъ. „Екатеринодару" итти въ Керчъ немедленно. Пароходы должны имѣть уголь для плаванія на пятьсотъ миль и семь дней стоянки. —

Въ этотъ же день изъ Севастополя былъ посланъ въ Феодосію п/х. „Аскольдъ" съ углемъ, на которомъ Стар. Морск. Н-ку были посланы инструкціи на случай эвакуаціи. Въ дополненіе къ этимъ инструкціямъ тогда же было по телефону со-

общено Стар. Морск. Н-ку, что ему предоставляется, въ случаѣ необходимости, привлекать по таймсъ чартеру нужныя дополнительно суда. На слѣдующій день, т. е. 28-го кап. 1 р. Зеленому Командующій Флотомъ телеграфировалъ: — № 2976/оп. Уголь вышелъ на „Аскольдѣ". Приготовьтесь принять войска для полной эвакуаціи Крыма черезъ 72 часа. Маршрутъ дополнительно. —

По полученіи всѣхъ этихъ инструкцій, кап. 1 р. Зеленой совмѣстно съ Н-комъ Феодосійскаго Военно-Административнаго района генералъ-маіоромъ Савищевымъ сговорились о порядкѣ эвакуаціи. Было условлено, что морское начальство укажетъ помѣщенія и количество, которое можно на каждомъ пароходѣ вмѣстить, а рѣшеніе вопроса кому изъ частей и лицъ военнаго вѣдомства давать разрѣшеніе было предоставлено Начальнику района. Такимъ образомъ распредѣленіе было сдѣлано слѣдующее:

Пароходы „Владимиръ" и „Донъ" — для кубанцевъ; „Аскольдъ" и „Корниловъ" для гражданскихъ властей, семей офицеровъ и личнаго состава гарнизона. „Петръ Региръ" — подъ раненыхъ.

Кромѣ того, кап. 1 р. Зеленой распредѣлилъ между судами уголь, назначилъ по судамъ караулы. Уголь былъ распредѣленъ такъ, что съ имѣвшимся раньше на судахъ, его должно было хватить на указанный районъ плаванія. Пропорціонально этому всѣ суда были снабжены водой и машиннымъ масломъ, причемъ водой суда прямо наливались со стѣнки, не мѣняя мѣста.

Затѣмъ кап. 1 р. Зеленымъ былъ привлеченъ къ эвакуаціи стоявшій въ порту, хотя и русскій, но плававшій подъ англійскимъ флагомъ, п/х. „Петръ Региръ". Въ ночь на 29-е Стар. Морск. Н-къ телеграфировалъ въ Штабъ Флота, что для распредѣленія провизіи необходимо знать какіе транспорты будутъ участвовать въ переброскѣ войскъ и будетъ ли кавалерія. Далѣе онъ донесъ, что „Екатеринодаръ" ушелъ въ 1 ч. ночи въ Керчь и спрашивалъ когда выйдутъ „Араратъ" и „Кавказъ".

28-го изъ Севастополя въ Феодосію отбылъ, назначенный Стар. Морск. Н-комъ въ Феодосію капитанъ 1 ранга Федяевскій, прибывшій туда 29-го поздно вечеромъ. 29-го, вновь назначенному Стар. Морск. Н-ку было Командующимъ Фло-

томъ сообщено: — № 2991. По приказанію Главкома подтверждаю, что всѣ пароходы и плавучія средства въ Феодосіи подчинены только Вамъ. Берите и привлекайте всѣ пароходы, которые признаете нужными. Оказывайте всемѣрное содѣйствіе раненымъ, арміи и населенію. Число войскъ положено — 10000. На уголь больше не расчитывайте.

29-го всѣ транспорты въ Феодосію срочно грузились углемъ. П/х. „Хараксъ" грузился интендантскимъ грузомъ и принималъ уголь, т. к. долженъ былъ итти въ Керчъ. П/х. „Аскольдъ", послѣ дачи всѣмъ угля, приступилъ къ мойкѣ помѣщеній, дабы принять раненыхъ, коихъ указывалось много. На рейдѣ находился французскій п/х. „Текла Буленъ" съ интендантскимъ грузомъ, разгрузка коего не была разрѣшена, принимавшій французскихъ подданыхъ. Въ гавани — американскій п/х. „Фараби", заканчивавшій погрузку зерна. Кромѣ того въ порту находилось французское судно „Туль". На всѣхъ пароходахъ находились караульныя команды изъ юнкеровъ. Въ городѣ и на судахъ все было тихо, только плохо обстояло дѣло съ хлѣбомъ. Всѣ парусныя суда были задержаны въ порту. Въ полночь на 30-е вступилъ въ обязанности Стар. Морск. Н-ка капитанъ 1 ранга Федеявскій, о чемъ онъ донесъ Командующему Флотомъ. 30-го началась погрузка. Не смотря на неоднократныя требованія Стар. Мор. Н-ка грузить суда для устойчивости мукой и зерномъ, интендантству удалось погрузить лишь 2500 тысячъ пудовъ муки, а тяжелые грузы такъ и не были приняты до конца. У начальствующихъ лицъ ощущался большой недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, а рабочіе въ этотъ день отказались грузить, предпочитая грузить зерно на американскій пароходъ. Стар. Мор. Н-ку удалось лишь, получивъ отъ Начальника района 2 милліона рублей, составилъ артель изъ отдѣльныхъ проходящихъ лицъ и, уплачивая по 500 рублей за пудъ, погрузить уголь на „Хараксъ". Послѣ полдня началась погрузка раненыхъ, а также начали прибывать, съ разрѣшеніями отъ Начальника Гарнизона семьи, предназначенныя на „Корниловъ" и гражданскія кубанскія учрежденія, тыловыя канцеляріи, бѣженцы и интендантство Кубанскаго войска. Всѣми этими лицами, имѣвшими удостовѣренія, заполнились не меньше, какъ на половину „Владимиръ", „Донъ" и „Корниловъ". Направленіе движенія къ пристанямъ, указанныя Н-комъ Района, соблюдались плохо,

а потому у каждаго транспорта на молу образовывались цѣлые таборы. Въ 16 ч. 30 м. 30-го прибылъ въ Феодосію Командиръ Кубанскаго Корпуса генералъ-лейтинантъ Фостиковъ. Генералъ Фостиковъ объявилъ Стар. Мор. Н-ку, что по приказанію Главнокомандующаго вся власть въ Феодосіи по посадкѣ войскъ переходитъ къ нему, что онъ отмѣняетъ распоряженіе Н-ка Района и приказалъ пассажирамъ со всѣмъ ихъ багажемъ выгрузиться съ пароходовъ, объявивъ имъ, что эвакуаціи не будетъ. Пассажиры были высажены, но съ пристаней не ушли, поселившись тутъ же таборами.

30-го Стар. Мор. Н-къ въ Феодосіи былъ запрошенъ Командующимъ Флотомъ: — Получили ли пароходы „Фараби" и „Текла Буленъ" приказаніе итти въ Ялту и, если получили, то вышли ли или когда выходятъ. — Затѣмъ было получено приказаніе отъ Командующаго Флотомъ закрыть всѣ радіорубки на судахъ, при чемъ въ Феодосіи разрѣшался пріемъ только станціей транспорта „Донъ", а такъ же приказаніе на всѣхъ судахъ при входѣ въ Босфоръ поднять на форъ-стенгѣ французскій флагъ. Въ этотъ день ушелъ въ Керчъ п/х. „Хараксъ", а прибылъ въ Феодосію по пути изъ Севастополя въ Керчъ съ углемъ п/х. „Дыхтау", который было приказано въ Феодосіи не задерживать, а срочно направить въ Керчъ, гдѣ нѣтъ совсѣмъ угля. На всякій случай 30-го октября Штабъ Флота телеграфировалъ Стар. Мор. Н-ку въ Феодосіи, что фронтъ около Джанкоя. — Снеситесь съ Керчью — адмираломъ Беренсъ и, въ случаѣ нужды, прикажите вашимъ транспортамъ взять на буксиръ его пароходы, если у кого не хватить угля, а такъ же командиру транспорта „Донъ" при эвакуаціи слѣдовать соединенно съ транспортомъ „Крымъ" (выходящимъ изъ Ялты), который въ случаѣ необходимости возьметъ „Дона" на буксиръ.

Въ ночь съ 30-го на 31-е, благодаря недостаточной охранѣ, произошелъ пожаръ артиллерійскаго склада въ 3-хъ верстахъ отъ города, длившійся всю ночь. По мѣсту пожара американскимъ миноносцемъ ночью было сдѣлано нѣсколько никому непонятныхъ залповъ. Ночью на 31-е Командующій Флотомъ запросилъ Стар. Мор. Н-ка: — Готовы ли транспорты для принятія войскъ и погружена ли провизія и вода. — Въ это время связь по проводамъ между Севастополемъ и Феодосіей прекратилась. Съ утра 31-го генералъ Фостиковъ объ-

явилъ, что будетъ грузить сначала всѣ грузы, а потомъ войска. Для гарнизона, гражданскихъ учрежденій, мѣстнаго офицерства и ихъ семей имъ уступлены Н-ку Района п/х.-ы „Корниловъ" и „Аскольдъ", съ условіемъ, что туда же будутъ помѣщены всѣ части, которыя прійдутъ неожидаемыя. Относительно одиночныхъ офицеровъ было приказано свести ихъ въ батальонъ и грузить только въ такомъ видѣ, какъ часть. Но это все выполнялось плохо. На пристаняхъ толпа все росла и было видно, что ее два предназначенные пароходы не вмѣстятъ. Вновь усиленными караулами изъ юнкеровъ и офицеровъ положенія измѣнить было уже нельзя. Оцѣпленный районъ представлялъ двѣ половины съ отдѣльными въѣздами и выѣздами. Кубанская половина, гдѣ садились на транспортъ „Донъ" и „Владимиръ", погрузка шла въ полномъ порядкѣ подъ руководствомъ кубанскихъ офицеровъ. Половина, гдѣ грузились всѣ остальные, представляла огромную, невмѣстимую толпу. Утромъ 31-го поизошелъ пожаръ въ вагонѣ на станціи, послѣ чего послѣдовательно загорѣлись пакгаузы въ порту. Такъ какъ между пакгаузами лежалъ штабель снарядовъ въ ящикахъ, то было приказано сбросить ихъ въ море, что и было, къ счастью, исполнено во время.

По заполненіи п/х. „Аскольдъ" и „Корниловъ" сверхъ всякихъ предѣловъ, Стар. Мор. Н-къ отвелъ эти суда отъ пристаней на рейдъ. Ввиду очевидности, что на имѣемыхъ судахъ изъ Феодосіи всѣхъ не взять, Стар. Мор. Н-къ телеграфировалъ Командующему Флотомъ: — Къ утру 1-го ноября возьму на бортъ полный грузъ. Укажите куда итти. — А затѣмъ донесъ: — Тоннажа не хватаетъ на неожиданно прибывшія части. Прошу присылки парохода тысячи на три не менѣе. — На это Командующій Флотомъ въ ночь на 1-е отвѣтилъ: — № 3007. Если на Вашихъ корабляхъ подошедшіе войска не умѣстятся, срочно направляйте ихъ въ Керчъ, гдѣ большой запасъ тоннажа. О времени окончанія эвакуаціи немедленно донесите мнѣ на „Ген. Корниловъ" — Черезъ часъ Командующій Флотомъ опять запросилъ Стар. Мор. Н-ка объ обстановкѣ. О присылкѣ добавочныхъ транспортовъ просилъ Главнокомандующаго также и генералъ Фостиковъ. Но связь была не надежная, свободнаго тоннажа не было, а потому единственное, что можно было сдѣлать для спасенія людей — это направить ихъ въ Керчъ.

1-го числа, все большее и большее накапливанiе людей на пристаняхъ у пароходовъ заставило Стар. Мор. Н-ка отвести тоже и послѣднiе два транспорта „Владимиръ" и „Донъ" отъ пристани на рейдъ, не дождавшись прихода послѣднихъ фронтовыхъ частей. Эти части доставлялись на суда уже на рейдѣ помощью катеровъ и шлюпокъ. Послѣднимъ отошелъ отъ пристани „Донъ". На запросъ Стар. Мор. Н-ка въ Керчъ, Начальникъ 2-го Отряда Судовъ прислать пароходъ въ Феодосiю, Нач. 2-го Отряда отвѣтилъ, что сдѣлать этого не можетъ, т. к. въ Керчи, гдѣ посадка уже началась, тоже прибываютъ неожидавшiяся части, а потому просилъ направлять людей, которыхъ не посадили въ Феодосiи, въ Керчь.

1-го ноября вечеромъ Стар. Мор. Н-комъ были отправлены въ Константинополь переполненные п/х-ы: „Петръ Региръ", „Аскольдъ" и „Корниловъ". 2-го ноября въ 6 ч. утра, принявъ людей сверхъ всякой мѣры, Стар. Мор. Н-къ съ послѣдними двумя транспортами — „Дономъ" и „Владимиромъ" вышелъ изъ Феодосiи въ Константинополь. Транспортъ „Донъ" взялъ на буксиръ буксирный катеръ „Доброволецъ", а „Владимиръ" — кан. лодку „Кавказъ". Въ Феодосiи былъ оставленъ только малый рѣчной буксиръ „Помощникъ". Въ Феодосiи не были приняты недошедшiе еще кубанскiя части численностью до 4½ тысячъ человѣкъ и тысячъ пять одиночныхъ людей. Всѣмъ невмѣстившимся генераломъ Фостиковымъ было указано итти въ Керчъ. 2-го ноября въ 11 ч. Командующiй Флотомъ, находившiйся на крейсерѣ „Ген. Корниловъ" въ Ялтѣ, запросилъ по радiо Стар. Мор. Н-ка въ Феодосiи: — Срочно покажите свое мѣсто. Всѣ ли войска взяли на корабли. Какiя съ Вами суда. „Ген. Корниловъ" въ Ялтѣ. Эвакуацiя Севастополя закончена. — На это Стар. Мор. Н-къ донесъ: — 14 ч. прохожу Ялту въ 15-ти миляхъ на Зюйдъ-Остъ. Вслѣдствiе прибытiя неназначенныхъ частей, не принялъ 4000 донцовъ, кубанцевъ, кои направлены на Керчь. Въ Феодосiи осталось 5000 неорганизованныхъ солдатъ и офицеровъ.

Въ 16 ч. въ этотъ день, какъ упоминалось раньше, крейсеръ „Ген. Корниловъ" встрѣтилъ въ морѣ транспортъ „Донъ". Главнокомандующiй посѣтилъ транспортъ и, повидавъ войска, узналъ подробности эвакуацiи Феодосiи, послѣ чего „Ген. Корниловъ" пошелъ въ Феодосiю, а транспортъ „Донъ"

— въ Константинополь. Порядокъ выхода судовъ изъ Феодосіи и приблизительное число людей ими принятое было таково:

1-го ноября:	пароходъ	„Петръ Региръ"	3600	чел.
	„	„Аскольдъ"	2200	"
	„	„Корниловъ"	2284	"
2-го ноябрянь	транспортъ	„Донъ"	8500	"
	пароходъ	„Владимиръ	12600	"
	буксиръ	„Доброволецъ"	30	"
	кан. лод.	„Кавказъ"		

Всѣ суда, вышедшія изъ Феодосіи, кромѣ канонерской лодки „Кавказъ", которую, въ виду трудности ея буксировки, комендантъ п/х. „Владимиръ", приказалъ затопить въ морѣ, снявъ къ себѣ ея людей, благополучно пришли въ Константинополь утромъ 4-го ноября.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Указъ Императрицы Екатерины II объ основаніи города Одессы.

„Уважая выгодное положеніе Хаджибея и сопряженныя съ онымъ много пользы, признали Мы нужнымъ устроить тамо военную гавань, купно съ пристанью для купеческихъ судовъ. Работы производить подъ надзираніемъ генерала графа Суворова-Рымникскаго, коему препоручены отъ насъ всѣ строенія укрѣпленій и военныхъ въ той сторонѣ заведеній".

Справка: Бывшая турецкая крѣпость Хаджибей взята въ 1789 г. Одесса основана въ 1794 г.

Сообщилъ А. М. Чернушевичъ.

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ 1921 — 1922 ГГ.

Окончаніе.

Казалось при этомъ, что если генералу Дитерихсу, отходившему съ арміей въ районъ подвластный одному изъ самыхъ могущественныхъ автономныхъ властителей Китая — маршалу Чжанъ-зо-лину, удастся установить прочныя отношенія съ этимъ послѣднимъ, намъ удастся въ Гензанѣ разгрузиться отъ войскъ и бѣженцевъ и затѣмъ избирать дальнѣйшие пути флотиліи, въ зависимости отъ обстановки, располагая нѣкоторой оперативной свободой. Походъ флотиліи въ Инкау, единственный портъ Чжанъ-зо-лина, въ этомъ случаѣ былъ бы вполнѣ естественнымъ, но, памятуя обстановку перехода арміи изъ Забайкалья въ полосу отчужденія въ 1920 году, пріемъ арміи Чжанъ-зо-линомъ къ себѣ на службу не имѣлъ бы какіе либо шансы на успѣхъ.

Переходъ изъ Посьета въ Гензанъ при очень бурной погодѣ оказался очень тяжелымъ для флотиліи, особенно для кораблей, шедшихъ на буксирѣ и для катеровъ.

На этомъ походѣ мы потеряли утонувшимъ катеръ „Ретвизанчикъ", шедшій на буксирѣ п/х. „Защитникъ". Людей на немъ не было. Катеръ „Усердный" (бывш. „Павелъ") ночью при подходѣ къ Гензану выскочилъ на песчастый берегъ къ сѣверу отъ входа. Причины — очень тяжелая погода, плохая видимость и неопытность личнаго состава, командиръ котораго, какъ судоводитель, не оказался на должной высотѣ. Спасти катеръ не удалось.

Гензанъ.

31-го октября въ Гензанѣ собрались слѣдующіе корабли: „Байкалъ", „Свирь", „Батарея", „Діомидъ", „Илья Муромецъ", „Парисъ", „Фарватеръ", „Стражъ", „Лейт. Дыдымовъ", „Охотскъ", „Діомидъ", „Манджуръ", катера „Стрѣлокъ", „Ординарецъ", „Рѣзвый", Надежный" и пароходы: „Эльдорадо", „Защитникъ", „Взрыватель", „Монгугай", „Чифу", „Пушкарь", „Смѣльчакъ", „Воевода", и „Тунгузъ". Черезъ нѣсколько дней подошелъ отрядъ кап. 1 р. Соловьева — „Патроклъ", „Улиссъ" и „Аяксъ".

Къ концу нашей стоянки присоединился и „Магнитъ", посланный кап. 1 р. Ильинымъ на присоединеніе къ флотиліи послѣ эвакуаціи имъ Камчатки. Пароходы Д. Ф. „Сишанъ" и „Томскъ", бывшіе въ чартерѣ флотиліи и застигнутые событіями въ японскихъ портахъ, вслѣдствіе забастовки вольнонаемныхъ командъ и вмѣшательства японцевъ были нашими караулами оставлены и ушли во Владивостокъ. Кап. 1 р. Ильинъ съ частями и бѣженцами съ Камчатки, на зафрахтованномъ имъ японскомъ пароходѣ, ожидалъ въ Хакодате моихъ указаній о пунктѣ слѣдованія. Впослѣдствіи онъ присоединился къ намъ въ Шанхаѣ.

Сама эвакуація Камчатки произошла безъ всякаго давленія противника и безъ какого либо распоряженія съ моей стороны. Свѣдѣнія о занятіи Владивостока красными, отсутствіе Правителя и моей приказъ о сохраненіи Камчатки за нами были сочтены кап. 1 р. Ильинымъ и прибывшимъ ему на смѣну ген. Ивановымъ-Мумжіевымъ достаточными основаніями для принятія самостоятельнаго рѣшенія объ эвакуаціи. Обстановка момента была такъ сложна и положеніе флотиліи было настолько тяжелымъ, что я ни тогда не осудилъ, ни теперь не могу осудить начальствовавшихъ на Камчаткѣ лицъ за проявленную ими поспѣшность. Трудно сказать, случилась ли бы какая нибудь польза для нашего общаго дѣла отъ того риска съ которымъ была сопряжена для людей, находившихся на Камчаткѣ, задержка ими эвакуаціи.

Во всякомъ случаѣ, съ фактомъ потери нами Камчатки и 2-хъ большихъ пароходовъ Д. Ф., планъ С. Д. Меркулова потерпѣлъ крушеніе, ибо поскольку сомнительной являлась на-

дежда, что японцы пропустятъ черезъ свои порты неразоруженными насъ, идущихъ изъ Владивостока въ свой портъ на Камчатку, посколько являлось безспорнымъ, что они не допустятъ новой экспедицiи противъ Камчатки, предпринимаемой изъ японскаго порта, какъ базы.

По приходѣ на Гензанъ всѣ мои первоначальныя заботы сводились къ тому, чтобы разгрузить флотилiю отъ бѣженцевъ и войскъ, ибо съ одной стороны было ясно, что флотилiя оставаться навсегда въ Гензанѣ не сможетъ и даже, по недостатку средствъ и угля, не сможетъ провести тамъ зиму, съ другой стороны положенiе бѣженцевъ было поистинѣ отчаяннымъ. При совершенно невѣроятной скученности, большей частью на морозѣ, на верхней палубѣ, при недостаткѣ горячей пищи и даже прѣсной воды, все это грозило перейти въ неописуемое бѣдствiе, причемъ съ развитiемъ эпидемiи и среди судовыхъ командъ, все населенiе кораблей потеряло бы сначала возможность передвинуться въ другой портъ, а затѣмъ возможность обслуживанiя самыхъ элементарныхъ требованiй жизни.

Къ несчастью японцы начали съ того, что запретили съѣздъ на берегъ кому бы то ни было и запретили подходъ кораблей къ берегу за водой и углемъ. Затѣмъ, послѣ долгихъ разговоровъ, они разрѣшили съѣздъ на берегъ мнѣ и старшимъ начальникамъ сух. войскъ по особымъ пропускамъ. На другой день послѣдовало разрѣшенiе кораблямъ по очереди подойти къ стѣнкѣ, чтобы одинъ только разъ пополнить запасъ воды, за деньги, конечно.

Единственно кто сразу получилъ разрѣшенiе высадиться на берегъ и даже получилъ нѣкоторую помощь, это были раненые, прибывшiе въ Гензанъ на японскихъ пароходахъ еще до прихода флотилiи, и первая партiя кадетъ, около 60 человѣкъ. Японцами былъ организованъ для раненыхъ лазаретъ на берегу, куда они всѣ и были помѣщены. Японцы очень носились съ этимъ лазаретомъ, въ которомъ ими была оказана помощь нѣсколькимъ десяткамъ русскихъ изъ числа около 8.000 находившихся на корабляхъ, но все же, чтобы этотъ лазаретъ не прекратилъ преждевременнаго своего существованiя, мнѣ пришлось пожертвовать 5.000 iенъ изъ суммъ флотилiи на его содержанiе. Кадеты отправились въ Мукденъ по жел. дорогѣ и затѣмъ, послѣ долгихъ мытарствъ, присоединились къ своимъ корпусамъ уже въ Шанхаѣ.

Только черезъ нѣсколько дней мнѣ удалось убѣдить японцевъ разрѣшить свезти на берегъ гражданскихъ бѣженцевъ и ихъ семьи. Они были помѣщены японцами въ холодные бараки на берегу и начали получать самую минимальную помощь продовольствіемъ. Положеніе этихъ несчастныхъ сдѣлалось очень мало лучше чемъ на корабляхъ, лишь тѣ, кто имѣлъ родственниковъ въ Маньчжуріи и Китаѣ получили возможность списаться съ ними и покинуть Гензанъ. Масса же было обречена на самое ужасное существованіе.

Съ уходомъ гражданскихъ бѣженцевъ на берегъ освободились: „Манджуръ", переданный вслѣдъ затѣмъ его новымъ владѣльцамъ, купившимъ его еще во Владивостокѣ, и „Охотникъ", и стало нѣсколько свободнѣе на другихъ корабляхъ. Все же на корабляхъ, сверхъ личнаго состава флотиліи оставались еще слѣдующія категоріи пассажировъ:

1) — Воинскія части Дальневосточной Казачьей группы ген. Глѣбова (около 2500 чел.) и ихъ семьи.

2) — Части Урало-Егерскаго Отряда ген. маіора Лебедева (около 1200 чел.) и милиція побережья Татарскаго пролива (около 100 чел.) съ семьями.

3) — Кадетскіе корпуса — Омскій и Хабаровскій и семьи воспитателей (около 350 чел.).

4) — Батальонъ Морскихъ Стрѣлковъ, Морская Дессантная рота, Русско-Сербскій Отрядъ и ихъ семьи около 500 чел.).

5) — Чины частично эвакуировавшихся учрежденій Морского Вѣдомства какъ-то: Порта, Службы Связи, Плавучихъ Средствъ, Морского Госпиталя и проч., и ихъ семьи (около 200 чел.).

6) — Семьи плавающаго состава (около 150 чел.).

При этомъ, люди принадлежавшіе къ 4, 5 и 6 категоріамъ имѣли прямое отношеніе къ флотиліи и передъ эвакуацией были приняты въ расчетъ интендантствомъ флотиліи какъ связанные съ ея судьбой и поэтому подлежащіе длительному пребыванію на корабляхъ. Они были обезпечены продовольствіемъ и деньгами на продовольствіе на 2 мѣсяца.

Третья категорія — кадетскіе корпуса — были приняты на корабли для доставки заграницу, имѣли кое-что изъ продовольствія, но не имѣли никакихъ денежныхъ средствъ и никакого цѣннаго имущества. Поэтому, входя въ положеніе

дѣтей-кадетъ, я принялъ на себя заботы о пополненіи недостающаго въ продовольствіи кадетскихъ корпусовъ во все время ихъ перебыванія на корабляхъ.

Люди же первой и второй категоріи, составлявшіе громадное большинство населенія кораблей были взяты мною согласно инструкціи Воеводы Земской Рати на нѣсколько часовъ для доставки изъ Владивостока въ Посьетъ и осѣли на корабляхъ случайно послѣ того, какъ высадка ихъ въ Посьетѣ была запрещена ген. Дитерихсомъ.

Продовольствіе этихъ людей я не считалъ на своей отвѣтственности тѣмъ болѣе, что оба трюма к/л. „Свирь" были завалены неизвѣстнымъ мнѣ имуществомъ сухопутнихъ частей и грузами интендантства арміи и потому еще, что мнѣ было неизвѣстно состояніе кассъ всѣхъ этихъ воинскихъ частей и было отлично извѣстно, что если бы я принялъ всѣхъ людей 1 и 2 категоріи на довольствіе при флотиліи, то всѣ тогдашніе рессурсы ея окончились бы въ двѣ недѣли

Я не могъ считать себя въ какой либо мѣрѣ отвѣтственнымъ за то тяжелое положеніе, которое создалось для этихъ людей и со своей стороны принималъ лишь всѣ мѣры, чтобы разъяснить начальникамъ сухопутнихъ частей то обстоятельство, что флотилія безсильна помочь имъ и что они сами должны изыскивать пути устройства участи своихъ людей. Зато на мнѣ полностью лежала отвѣтственность за корабли на которыхъ находились эти люди.

Между тѣмъ, уже 3 ноября, т. е. черезъ 4 послѣ нашего прихода въ Гензанъ мною была получена отъ адмирала Дудорова слѣдующая телеграмма:

Телеграмма Управляющаго Россійскимъ Посольствомъ въ Токіо — Россійскому Консульскому Агенту Гензана и Сончжина.

Получена 3 ноября въ 9 ч. 48 м. вечера.

Дополненіе 84. Адмиралъ Дудоровъ проситъ передать адмиралу Старку:

По категорическому заявленію мнѣ Японскаго Морского Министерства Японскимъ Правительствомъ принято рѣшеніе не разрѣшать долговременной стоянки нашихъ судовъ въ японскихъ портахъ. Послѣднія мѣры китайцевъ въ отношеніи нашихъ бѣженцевъ не даютъ полной увѣренности въ безопасности стоянки въ китайскихъ портахъ. Телеграфируйте

сколько остается на судахъ команды и каковы Ваши намѣренія. № 90. Абрикосовъ.

Нужно замѣтить, что съ самаго Владивостока и до Гензана флотилію конвоировалъ дивизіонъ японскихъ миноносцевъ. Въ Гензанѣ же къ нему присоединился японскій легкій крейсеръ. Японцы относились къ намъ въ высшей степени вѣжливо, ограничиваясь лишь наблюденіемъ за нами, но изъ разговоровъ съ ними выяснялось, что Японское Морское Командованіе не допускаетъ мысли, чтобы Сибирская флотилія какъ таковая, задерживалась бы надолго въ японскихъ портахъ. Напримѣръ, при вопросѣ пополненія запасовъ угля и воды они предупредили меня, что это будетъ допущено за наличныя деньги и только одинъ разъ для каждаго корабля при условіи, что мы используемъ уголь для срочнаго ухода изъ порта. Такимъ образомъ телеграмма адмирала Дудорова находила свое подтвержденіе на мѣстѣ.

Мое указаніе на то, что флотилія въ состояніи такой перегруженности не можетъ выйти въ море, японцы отказывались принимать во вниманіе и настаивали на уходѣ.

Японцы не скрывали, что пребываніе въ японскихъ водахъ собственно Сибирской флотиліи, какъ организованной и вооруженной морской части, располагавшей къ тому же кораблями, которые большевики требовали задержать и вернуть имъ, являлось однимъ изъ главныхъ препятствій въ ходѣ ихъ переговоровъ съ красными и что они готовы были итти на все, чтобы это препятствіе устранить. Сухопутныя части, находившіяся на корабляхъ, наоборотъ, они склонны были разсматривать какъ бѣженцевъ, при условіи схода ихъ на берегъ безоруженными. Все это указывало на то, что надо уходить, чтобы не попасть въ ловушку.

Однако, въ своемъ рѣшеніи уводить корабли я встрѣтилъ рѣзкое противодѣйствіе со стороны ген. Лебедева, сохранившаго за собой главенство среди сухопутныхъ войскъ. Сухопутнымъ начальникамъ казалось нежелательнымъ уходить изъ Гензана съ тѣми цѣлями, которыя ставились мною, а именно: 1) — отысканіе безопаснаго убѣжища для кораблей, 2) — способствованія переходу личнаго состава на положеніе мирныхъ бѣженцевъ въ условіяхъ наивозможно болѣе благопріятныхъ для отысканія частнаго заработка. Въ связи съ чисто авантюристической дѣятельностью т. наз. „Сибирскаго

Правительства" Сазонова, отправившагося въ Токіо и посылавшаго оттуда информацію о возможности возобновленія освободительнаго движенія при поддержкѣ японцевъ и при возглавленіи дѣла имъ, и сухопутныхъ начальниковъ зрѣло убѣжденіе въ необходимости во чтобы ни стало сохранить остатки арміи въ вооруженномъ состояніи и какъ можно ближе къ предѣламъ Россіи. Поэтому они не хотѣли ни двигаться немедленно дальше на корабляхъ, ни сходить съ кораблей въ Гензанѣ, чтобы перейти на положеніе бѣженцевъ. Такъ какъ часть боевыхъ кораблей флотиліи, въ томъ числѣ и флагманскій „Байкалъ" и всѣ транспорта были загружены войсковыми частями, ихъ семьями и имуществомъ, то создавалось положеніе, при которомъ флотилія была неспособна двинуться изъ Гензана. Я настаивалъ на освобожденіе кораблей. Генералъ Лебедевъ отдалъ приказъ по войскамъ, въ которомъ приказывалъ подчиненнымъ ему начальникамъ самимъ озаботиться обезпеченіемъ своихъ частей транспортными средствами, т. е. кораблями флотиліи. Произошла рѣзкая переписка, въ результатѣ которой я настоялъ на отмѣнѣ ген. Лебедевымъ своего приказа, но все же вопросъ съ освобожденіемъ кораблей не двинулся съ мѣста.

Какъ оказалось впослѣдствіи, много способствовалъ обостренію отношеній мифъ о наличіи у меня огромныхъ цѣнностей на сумму въ 500.000 іенъ. Мифъ этотъ имѣлъ основаніемъ приведенное мною ранѣе предписаніе ген. Дитерихса о выемкѣ частнаго имущества изъ хранилищъ Владивостокскаго Государственнаго Банка. Это предписаніе мною исполнено не было, но ген. Дитирехсъ довелъ о немъ до свѣдѣнія нѣкоторыхъ лицъ, кои начали распускать слухи, что флотилія уходитъ съ цѣлью увести эти цѣнности и воспользоваться ими только для себя. Когда этотъ вопросъ разъяснился, острота отношеній нѣсколько сгладилась.

Въ дальнѣйшемъ генералы Лебедевъ и Глѣбовъ, настаивая на своемъ желаніи оставаться въ Гензанѣ и не настаивая на неуходѣ флотиліи просили только: 1) — обезпечить ихъ отряды достаточнымъ числомъ транспортовъ и 2) — оставить офицеровъ флота для обслуживанія транспортовъ до окончательной надобности въ нихъ.

Въ результатѣ была произведена перегрузка частей. Отряду ген. Лебедева былъ предоставленъ п/х. „Эльдорадо", от-

ряду ген. Глѣбова — транспорты „Охотскъ", п/х. „Защитникъ", „Монгугай", и „Пушкарь". Вмѣстѣ съ тѣмъ п/х. „Смѣльчакъ", „Воевода", „Тунгузъ" и „Чифу", какъ составлявшіе частную собственность были мною отпущены во Владивостокъ. На военныхъ корабляхъ остались только сухопутныя части флотиліи, кадетскіе корпуса, сверхштатные чины Морского Вѣдомства и ихъ семьи.

Послѣ этого мною было рѣшено оставить транспорта съ сухопутными частями въ Гензанѣ, поручивъ командованіе ими контръ-адмиралу Безуаръ, съ флотиліей же готовиться къ уходу.

Всѣ эти переговоры и перегрузки заняли около 3-хъ недѣль, что отразилось крайне тяжело на скудныхъ финансахъ флотиліи и впослѣдствіи поставило насъ въ безвыходное положеніе въ Шанхаѣ.

Намѣчая уходъ флотиліи я колебался въ выборѣ конечнаго пункта слѣдованія. Возможностей представлялось двѣ: 1) — Инкау и 2) — Манила.

Инкау — единственный портъ владѣній Чжанъ-зо-лина, въ сѣверную область которыхъ отошла наша армія и гдѣ долженъ былъ находиться Правитель. Присоединеніе флотиліи, при наличіи извѣстныхъ гарантій со стороны маршала, обезпечивающихъ корабли отъ простого захвата, могло значительно усилить позиціи Правителя и арміи при Чжанъ-зо-линѣ, принимая же во вниманіе коммерческій типъ большинства кораблей флотиліи рисовалась возможность обратить корабли на ихъ прямое назначеніе и дать заработокъ личному составу. Опасной стороной такого рѣшенія было провѣренное вѣроломство китайцевъ и неустойчивость отрицательнаго отношенія къ совѣтамъ со стороны самого маршала Чжана. Его политика, какъ было извѣстно, основывалась на подсказкѣ японцевъ, японцы же явно шли на сближеніе съ большевиками. Кромѣ того, независимость Чжанъ-зо-лина отъ Центральнаго Правительства Китая, находившагося въ дружескихъ переговорахъ съ большевистскимъ неоффиціальнымъ представителемъ въ Пекинѣ Іоффе, основывались только на временной слабости центральнаго правительства, каковое положеніе могло всегда измѣнить не въ пользу маршала.

Съ ген. Дитерихсъ никакой связи не было. Свѣдѣнія объ отношеніи китайцевъ къ частямъ арміи перешедшимъ границу и разоружившимся были самого мрачнаго характера.

Это все убѣждало меня въ томъ, что походъ въ Инкау безъ предварительной подготовки являлся бы опрометчивымъ. Желаніе ген. Дитерихса, чтобы флотилія шла именно въ Инкау, въ этотъ моментъ мнѣ еще не было извѣстно.

При выборѣ другого конечнаго пункта, Манилы, что мнѣ совѣтовалъ адмиралъ Дудоровъ, я могъ надѣятся на человѣколюбивое отношеніе американцевъ къ бѣженцамъ, къ личному составу флотиліи ихъ семьямъ. Но я долженъ былъ учитывать, что наша организація, какъ таковая, никакой поддержки не получитъ, никакой помощи я не получу и для устройства дальнѣйшей судьбы кораблей, кромѣ развѣ того, что имъ разрѣшено будетъ оставаться въ американскихъ водахъ на любой срокъ, пока С. Ш. не признаютъ большевиковъ. Кромѣ того, походъ въ Манилу представлялся въ высшей степени труднымъ и опаснымъ въ морскомъ отношеніи.

Совершенно неожиданно для меня за нѣсколько дней до ухода изъ Гензана ко мнѣ прибылъ изъ Мукдена одинъ изъ русскихъ офицеровъ, устроившихся при штабѣ Чжанъ-зо-лина. Онъ увѣрялъ меня, что присланъ онъ отъ самого маршала съ тѣмъ чтобы убѣдить меня итти въ Инкау, что маршалъ готовъ обезпечить флотилію всѣмъ чѣмъ я найду нужнымъ и дать какія угодно гарантіи въ исполненіи своихъ обязательствъ. Не особенно довѣряя этому офицеру, котораго я мало зналъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая себя вправѣ отказаться совершенно отъ сношеній съ Чжанъ-зо-линомъ, въ рукахъ котораго находилась въ это время вся наша армія, я командировалъ вмѣстѣ съ этимъ офицеромъ въ Мукденъ инженера полковника Яронъ, коему далъ письменныя неограниченныя полномочія на заключеніе договора съ маршаломъ отъ моего имени и приказалъ вести переговоры такъ, чтобы къ приходу въ Фузанъ я могъ бы знать — серьезно ли это предположеніе.

19 ноября въ Гензанъ, какъ бы проѣздомъ, прибылъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ для порученій при Штабѣ Правителя полковникъ Ловцевичъ. Онъ посѣтилъ меня, разсказалъ о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ въ которыя попали наши разоружившіяся части въ Маньчжуріи и затѣмъ далъ мнѣ снять копію съ циркулярнаго письма Правителя, которое почему то не было адресовано мнѣ. По моему мнѣнію, оно не могло быть секретнымъ отъ меня.

Отъ редакціи: Въ этомъ письмѣ, написанномъ 14 ноября 1922 г. въ пос. Хунчунѣ за № 663 (Китай). Правитель сообщаетъ, что съ переходомъ границы и сдачей оружія китайскимъ властямъ, Земская Рать перестала существовать какъ военная организація и что теперь ея первѣйшей задачей является сохраненіе элементовъ, которые идейно и сознательно не пойдутъ на сліяніе съ совѣтской властью несмотря на предстоящія лишенія.

Признавая, что борьба продолжавшаяся съ 1918 по 1922 г. проиграна, Правитель призываетъ поставить цѣлью въ будущемъ — стремленіе къ освобожденію и возрожденію Россіи, въ то же время предостерегая, что при отсутствіи спайки, лишенія и провокаціонная работа совѣтскихъ агентовъ можетъ привести къ разложенію и дальнѣйшему распыленію организаціи. Отрицательно относясь къ авантюристическимъ планамъ и стремленіямъ, Правитель опять подчеркиваетъ необходимость объединенія идейныхъ и стойкихъ элементовъ и знакомить съ планами на ближейшее будущее, по которымъ предполагалось, пользуясь болѣе благожелательнымъ отношеніемъ къ бѣженцамъ въ глубинѣ Китая, раздѣлить Земскую Рать на 12 группъ, которыя будутъ распредѣлены по уѣзднымъ городамъ. Правитель сообщаетъ намѣчаемыя программы размѣщенія, продовольствія, финансовой поддержки и использованіе труда, сначала спеціалистовъ, а затѣмъ и общей массы бѣженцевъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ въ Мукденъ командируется генералъ Петровъ. Тамъ же долженъ разрѣшиться вопросъ объединенія бѣженскихъ организацій, интернированныхъ въ Пограничной съ тѣми, которыя должны прибыть въ Инкау (адм. Старкъ и ген. Лебедевъ). Правитель выражаетъ опасеніе, что послѣднія задержаны японцами въ Гензанѣ, куда адмиралъ Старкъ долженъ былъ доставить до 4.000 бѣженцевъ и группу Глѣбова. Правитель также сообщаетъ, что китайцы, пока-что кооперируютъ, и что дальнѣйшее положеніе выяснится послѣ посѣщенія Чжанъ-зо-лина.

Далѣе Правитель обращаетъ вниманіе на начавшееся разложеніе среди интернированныхъ въ полосѣ отчужденія частей и учрежденій, призываетъ къ подчиненію старшимъ начальникамъ и къ созданію „новой формы бѣженцевъ", могущихъ примѣниться къ условіямъ и масштабамъ въ Китаѣ. Отсутствіе средствъ и полная зависимость отъ китайцевъ не

оставляютъ никакихъ перспективъ на будущее, которое будетъ зависить отъ прочности и стойкости организаціи, умѣнія приспособиться въ Китаѣ и отъ международнаго положенія.

Письмо заканчивается призывомъ къ прісканію и организаціи работъ и распоряженіями хозяйственнаго характера.

* * *

Изъ письма этого я впервые узналъ, что въ планы Правителя входилъ походъ флотиліи съ частями генерала Лебедева въ Инкау, а что части генерала Глѣбова подлежали доставкѣ въ Гензанъ и не далѣе. Узналъ я также что армія погибла и что Правителъ находится въ поселкѣ Хутунъ, откуда съ нимъ нѣтъ никакой связи.

Это письмо было послѣднимъ извѣстіемъ изъ Ставки Правителя. Въ связи съ планами Правителя относительно Инкау, посылка моего представителя въ Мукденъ, поисшедшая случайно, пріобрѣла новое значеніе и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать извѣстій отъ полковника Ярона.

Готовясь къ походу, я приказалъ произвести распредѣленіе кораблей по дивизіонамъ.

1-ый дивизіонъ: „Байкалъ" (мой флагъ), „Свирь", „Батарея", „Магнитъ", „Взрыватель".

2-ой дивизіонъ: „Илья Муромецъ", „Патроклъ" „Улиссъ", „Діомидъ".

3-ій дивизіонъ: „Лейтенантъ Дыдымовъ", „Фарватеръ", „Парисъ", „Аяксъ".

4-ый дивизіонъ: (катера) „Стражъ", „Стрѣлокъ", „Рѣзвый", „Усердный" (погибъ на камняхъ), „Ординарецъ" и „Надежный" — (остались въ Гензанѣ).

Начальниками дивизіоновъ:

1-го оставался кап. 1 р. Ильинъ, но ввиду его отсутствія корабли были подчинены непосредственно Начальнику моего Штаба.

2-го остался кап. 2 р. Четвериковъ,

3-го былъ назначенъ кап. 1 р. Соловьевъ,

4-го былъ назначенъ кап. 1 р. Пышковъ.

20-го ноября послѣдовалъ мой приказъ объ уходѣ изъ Гензана.

Отъ редакціи: Приказъ Командующаго Сибирской Флотиліей отъ 20 ноября 1922 г. за № 40, состоитъ изъ, главнымъ образомъ, оперативныхъ распоряженій. Указывая, что недостатокъ угля вынуждаетъ флотилію покинуть Гензанъ, флотиліи дается распоряженіе приготовиться къ походу. Транспортному отряду, подъ общимъ командованіемъ контръ-адмирала Безуаръ остаться на рейдѣ до выясненія вопроса съ устройствомъ арміи или особаго приказанія Командующаго флотиліей. Остальныя распоряженія чисто хозяйственнаго характера.

* * *

Получивъ этотъ приказъ, вр. командующій сух. войсками, ген. лейт. Глѣбовъ собралъ военный совѣтъ изъ подчиненныхъ ему начальниковъ и прислалъ мнѣ, поздно вечеромъ 20-го, постановленіе Совѣта, въ коемъ заключалась просьба задержать уходъ флотиліи до возвращенія ген. Лебедева, уѣхавшаго въ Токіо для совѣщанія съ членами „Сибирскаго Правительства".

Исполнить этой просьбы я не могъ, не вызвавъ конфликта съ японцами, коимъ послѣ повторныхъ ихъ просьбъ далъ обѣщаніе уйти на слѣдующій день. Кромѣ того флотилія имѣла уголь дѣйствительно уже на исходѣ. Мотивъ просьбы о задержкѣ я считалъ не серіознымъ.

Въ 8 ч. утра 21 ноября флотилія вышла въ Фузанъ слѣдуя по-дивизіонно. Передъ съемкой съ якоря оказалась неисправность въ машинѣ на „Магнитѣ", которому было разрѣшено слѣдовать въ Фузанъ самостоятельно.

Говоря объ уходѣ изъ Гензана я долженъ съ благодарностью вспомнить нашего консульскаго агента въ этомъ городѣ, г-на Зеллисъ, отношеніе котораго къ флотиліи и къ ея нуждамъ были исключительно лояльное и предупредительное.

Японскіе конвоиры-миноносцы слѣдовали за флотиліей. Крейсеръ ушелъ въ Японію дня за два до нашего ухода изъ Гензана.

23 ноября флотилія благополучно прибыла въ Фузанъ.

Фузанъ и переходъ въ Шанхай.

Въ Фузанѣ повторилась та же исторія, что и въ Гензанѣ. Японскія власти встрѣчали флотилію со всей присущей ей вѣжливостью и предупредительностью, но съѣздъ на берегъ былъ разрѣшенъ только самому ограниченному числу лицъ,

по японскимъ пропускамъ, подъ моей гарантіей, что никто изъ нихъ не останется на берегу.

Нашъ консулъ въ Фузанѣ, г-нъ Скородумовъ, прекрасно владѣвшій японскимъ языкомъ и пользовавшійся отличнымъ положеніемъ въ городѣ, встрѣтилъ флотилію такъ, какъ всегда встрѣчались русскія эскадры въ заграничныхъ портахъ нашими дипломатическими представителями и въ дальнейшемъ достигъ того, что мѣстныя власти въ сношеніяхъ со мною обращались ко мнѣ, какъ адмиралу иностранной эскадры, а не какъ къ начальнику отряда бѣженскихъ кораблей. Этимъ въ значительной степени облегчилось исполненіе задачъ, поставленныхъ флотиліи въ Фузанѣ.

Принимая во вниманіе трудное и щекотливое положеніе въ которомъ находился нашъ консулъ осенью 1922 года, т. е. через пять лѣтъ послѣ крушенія послѣдняго признаваемаго Японіей Русскаго Правительства, надо было удивляться его умѣнію сохранить на должной высотѣ свой престижъ какъ представителя Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ кратчайшій срокъ добиться отъ японцевъ всего того, что нужно было флотиліи. Я проявилъ бы черную неблагодарность, если не отмѣтилъ бы въ своемъ отчетѣ то исключительно внимательное и сердечное отношеніе, которое встрѣтила флотилія со стороны г-на Скородумова. Его задача, впрочемъ, нѣсколько облегчилась тѣмъ обстоятельствомъ, что флотилія ничего не просила даромъ и за все, что было ей нужно оплачивала полной цѣной. Все же, напримѣръ, въ вопросѣ о ремонтѣ судовъ, японцы долго колебались прежде чѣмъ позволили помѣстить заказы на мѣстныхъ заводахъ .

Мѣстныя власти и наши конвоиры немедленно же по приходѣ флотиліи подняли вопросъ о срокѣ ея ухода. Въ мѣстной ратушѣ собралось многочисленное засѣданіе при участіи моемъ и нашего консула. Въ результатѣ были установлены всѣ нужды флотиліи и срокъ ея ухода опредѣленъ на 2-е декабря. При этомъ съ меня было взято обязательство, что по уходѣ изъ Фузана флотиліи больше ни въ одинъ японскій портъ заходить не будетъ. Всѣ поставки на флотилію угля и другихъ матеріаловъ любезно приняла на себя городская управа, причемъ японцы увѣряли, что такой способъ будетъ выгоднѣе и лучше для флотиліи. Отказаться, конечно, не было возможности. Какъ и я предвидѣлъ, „отцы города" безчестно обману-

ли флотилію, поставивъ уголь очень плохого качества и по цѣнамъ гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ предлагали частныя японскія фирмы еще до засѣданія. По свойству японской организаціи, съ момента когда власти приняли на себя заботу о поставкѣ угля, таковой исчезъ на всѣхъ частныхъ складахъ и не смотря на протесты нашихъ пріемщиковъ инженеръ-механиковъ, уголь поставленный городскими властями неизмѣнно оказывался изъ единственнаго въ Фузанѣ запаса и „самаго лучшаго качества".

Въ день прихода флотиліи въ Фузанъ, ко мнѣ прибылъ съ докладомъ изъ Мукдена полк. Яронъ. Онъ сообщилъ, что онъ дѣйствительно былъ принятъ представителемъ маршала Чжанъ-зо-лина, послѣ чего ими совмѣстно былъ разработанъ проэктъ договора между маршаломъ и мною. Черновикъ договора, который полк. Яронъ привезъ съ собой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей и редакціонныхъ поправокъ былъ пріемлимъ для меня. Единственнымъ темнымъ пятномъ въ переговорахъ полк. Ярона съ китайцами была неудача въ его попыткѣ видѣть самого Чжанъ-зо-лина, но на другой день послѣ пріѣзда полк. Яронъ въ Фузанъ была получена телеграмма изъ Мукдена, извѣщающая, что представитель маршала выѣзжаетъ въ Фузанъ для окончательныхъ переговоровъ со мной. Оставалось ждать.

Въ Фузанѣ меня ожидалъ еще одинъ визитъ.

Однажды утромъ ко мнѣ въ гостинницу, гдѣ я остановился на два дня, прибылъ бывшій стар. лейт. флота Белли и, отрекомендовавшись представителемъ совѣтской миссіи въ Пекинѣ, предложилъ мнѣ отъ имени Іоффе вернуться съ флотиліей во Владивостокъ, обѣщая полную амнистію, соединеніе съ моей семьей и хорошее вознагражденіе. Съ негодованіемъ отвергнувъ это гнусное предложеніе я, памятуя свои прежнія хорошія отношенія съ Белли, служившимъ со мною вмѣстѣ на „Аврорѣ" и въ Минной дивизіи въ моемъ Штабѣ, предложилъ ему немедленно покинуть Фузанъ во избѣжаніе плохихъ для него лично послѣдствій. Надо сказать, что это было не единственной попыткой большевиковъ вернуть флотилію. Съ самаго нашего выхода изъ Владивостока и еще во время стоянки въ Гензанѣ большевики не оставляли насъ своими призывами и просто по радіо и черезъ японцевъ. Я не отвѣчалъ ни слова и запретилъ давать имъ квитанціи.

Стоянка въ Фузанѣ подходила къ концу. Между тѣмъ представитель Чжанъ-зо-лина не пріѣхалъ и изъ Мукдена не было ни слуха ни духа.

Отъ адмирала Дудорова я получилъ карты для похода и письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что изъ частныхъ бесѣдъ съ американскимъ посломъ въ Токіо выяснилось, что правительство Соединенныхъ Штатовъ допускаетъ возможность нашего прихода въ Манилу, и склонно разсматривать это, какъ неизбѣжное зло, причемъ мы могли надѣяться на человѣколюбивое отношеніе къ личному составу и бѣженцамъ.

Я рѣшилъ съ большей частью кораблей итти въ Манилу, сдѣлавъ однако заходъ на нѣсколько дней въ Шанхай. Тамъ я расчитывалъ получить окончательную увѣренность въ томъ, что соглашеніе съ Чжанъ-зо-линомъ провалилось, устроить на стоянку мелкіе корабли и катера и уволить ту часть личнаго состава, которая мечтала попасть именно въ Шанхай.

Японцы начали безпокоиться, сдержу я ли свое слово относительно срока ухода и каждый день приставали съ этимъ ко мнѣ и къ консулу. Правда, нѣкоторые корабли, особенно „Лейт. Дыдымовъ", у котораго ремонтировались котельныя донки, продолжали внушать опасенія, но тянуть съ ремонтомъ было нельзя. Приказавъ на „Лейт. Дыдымовъ" изготовить плавучій якорь, я отдалъ приказъ объ уходѣ изъ Фузана въ Шанхай. Одновременно съ этимъ я командировалъ полковника Яронъ въ Мукденъ съ тѣмъ, чтобы окончательно выяснить вопросъ съ заходами въ Инкау. Онъ долженъ былъ прибыть въ Шанхай по желѣзной дорогѣ.

2-го декабря въ 8 ч. утра флотилія вышла въ Шанхай. Дивизіоны слѣдовали въ слѣдующемъ составѣ: „Байкалъ" шелъ совмѣстно съ „Батареей", „Магнитъ" задержался по неисправности машины на два часа, при немъ въ качествѣ конвоира слѣдовалъ „Взрыватель".

2-ой дивизіонъ: „Патроклъ", „Діомидъ" и „Улиссъ" шелъ совмѣстно, къ нему былъ прикомандированъ на походъ п/с. „Стражъ".

3-й дивизіонъ въ составѣ: „Лейт. Дыдымовъ", „Аяксъ", „Парисъ" и „Фарватеръ" шелъ соединенно, имѣя при себѣ катеръ „Стрѣлокъ"; „Свирь" шла самостоятельно, ведя на буксирѣ катеръ „Рѣзвый". Японцы больше не конвоировали насъ.

Я предполагалъ, что дивизіоны, имѣя приблизительно одинъ и тотъ же ходъ 7-8 узловъ, не выйдутъ изъ видимости другъ друга,или, во всякомъ случаѣ, останутъся въ предѣлахъ радіосвязи, но съ наступленіемъ темноты всѣ дивизіоны оказались въ одиночествѣ. Попытки поддерживать радіо-связь не имѣли успѣха, хотя радіо-станціи были на большинствѣ кораблей. Изъ за отсутствія знающаго офицера-радіотелеграфиста, радіо-телеграфное дѣло въ Сибирской флотиліи въ послѣдніе годы было поставлено болѣе чѣмъ отвратительно. Практически не было ни одной надежно дѣйствовавшей радіостанціи. Поэтому въ дальнѣйшемъ на походѣ дивизіоны не имѣли связи между собой.

До утра 4 декабря все шло благополучно. Погода была тихая. Въ 7 ч. 30 м. утра 4 декабря, когда дивизіоны находились на разстояніи 120-180 миль отъ Шанхая внезапно налетелъ сильный шквалъ съ Нордъ-Оста, превратившійся въ штормъ силой 8-9 балловъ. Уже черезъ полчаса волненіе было такъ сильно, что „Байкалъ" началъ принимать воду на носовой и кормовой срѣзы и скоро вода начала заливать машинное отдѣленіе. Повернули по волнѣ и выбросивъ за бортъ часть имущества кадетскихъ корпусовъ, которымъ буквально была завалена верхняя палуба, освободили штормовые шпигаты, послѣ чего легли на старый курсъ. Около полудня, видя, что „Батареѣ" трудно держаться на курсѣ, сдѣлалъ ей сигналъ: „итти самостоятельно", послѣ чего „Батарея" скоро скрылась во мглѣ.

„Байкалъ" не могъ итти противъ волны и былъ вынужденъ постепенно склоняться къ Зюйду. Къ вечеру 4 декабря „Байкалъ" всталъ на якорь за Сѣдельными островами. Къ утру 5 декабря нѣсколько стихло, мы снялись съ якоря и около полудня вошли на рейдъ Вузунгъ въ Янъ-цы-кіангѣ, гдѣ уже стояла на якорѣ „Батарея".

„Взрыватель" съ „Магнитомъ" также потеряли другъ друга, причемъ „Взрыватель" отстаивался у Сѣдельныхъ островахъ, а „Магнитъ" уклонился на 200 миль къ югу отъ курса. Первый пришелъ въ Вузунгъ 5 декабря послѣ полдня, а второй только 6 декабря.

2-й дивизіонъ со „Стражемъ" шелъ весь день 4-го и часть ночи на 5-ое по волнѣ и ночью повернулъ на курсъ къ Шанхаю, иначе у „Стража" не хватило бы угля. 6-го декабря утромъ ди-

визіонъ благополучно и соединенно прибылъ на рейдъ Вузунгъ.

3-й дивизіонъ растерялся весь. Его корабли и „Стрѣлокъ" приходили на рейдъ Вузунгъ по одиночкѣ въ теченіи 6-го декабря.

Не было только флагманскаго корабля дивизіона, „Лейт. Дыдымова". Послѣдній разъ его видѣлъ „Парисъ" на закатѣ солнца 4-го декабря. „Дыдымовъ" сильно штормовалъ, поворачивая то по волнѣ, то противъ, не имѣя почти никакого хода. Къ несчастью на „Парисѣ" былъ пробитъ волной машинный кожухъ и онъ самъ, находясь въ критическомъ положеніи, не могъ оказать помощи „Дыдымову", или даже держаться около него.

Обстоятельства гибели „Дыдымова" такъ и остались невыясненными. На немъ погибли: Начальникъ Дивизіона кап. 1 р. Соловьевъ съ семьей, командиръ — стар. лейт. Семенецъ, стар. офиц. лейт. Недригайловъ и около 80 чел. команды и пассажировъ-кадетъ.

Только „Свирь" съ „Рѣзвымъ" не испытали шторма. Вслѣдствіе малаго хода „Свири", штормъ засталъ ее у острова Квельпартъ, за которымъ она и отстоялась, сдѣлавъ переходъ при тихой погодѣ.

Такимъ образомъ, изъ 16-ти кораблей и катеровъ, вышедшихъ изъ Фузана, 15 благополучно дошли до Бузунга. То, что такіе маленькіе катера какъ „Стражъ", „Фарватеръ" и „Стрѣлокъ" выдержали штормъ въ открытомъ морѣ нельзя разсматривать иначе какъ чудо, такъ, по краней мѣрѣ, считали всѣ иностранцы — служащіе Шанхайскаго порта, получившіе рядъ донесеній о поврежденіяхъ большихъ океанскихъ кораблей.

Послѣдствія шторма оказались настолько тяжелыми для флотиліи, что всѣ мои планы на дальнѣйшее были совершенно разрушены. Двухъ-трехъ-дневное странствованіе всей флотиліи въ морѣ нарушило наши запасы угля. Денегъ, чтобы пополнить его въ такой мѣрѣ у меня уже не было. То же оказалось въ отношеніи провизіи, часть которой была уничтожена и попорчена штормомъ.

„Діомидъ", „Магнитъ", „Свиръ", „Парисъ" и „Улиссъ" имѣли поврежденія въ машинахъ требовавшія заводскаго и доковаго ремонта, прочіе корабли въ большинствѣ также нуждались въ нѣсколькихъ дняхъ стоянки, что на открытомъ рей-

дѣ Вузунгъ должно было происходить подъ парами и слѣдовательно еще болѣе нарушало наши запасы угля.

Пассажиры, переполнявшіе корабли, непривычные къ морю, испытавъ свирѣпый штормъ со всѣми послѣдствіями и зная о гибели „Дыдымова" находились въ паническомъ состояніи и умоляли оставить ихъ въ Шанхаѣ.

Между тѣмъ, насъ ожидали еще болѣе тяжкія испытанія...

Г. Н. Т.

ПАМЯТИ КАПИТАНА I РАНГА КНЯЗЯ ЯЗОНА КОНСТАНТИНОВИЧА ТУМАНОВА.

22 октября 1955 года въ Асунціонѣ (Парагвай), послѣ долгой и тяжкой болѣзни скончался (отъ рака горла)) капитанъ 1 ранга, князь Язонъ Константиновичъ Тумановъ.

Поступивъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ 1901 году, князь Язонъ Константиновичъ былъ произведенъ въ мичманы въ 1904 г. въ Царскомъ выпускѣ. Назначанный на строившійся броненосецъ „Орелъ", онъ, въ составѣ 2-ой Тихоокеанской эскадры совершаетъ походъ вокругъ Африки и участвуетъ въ Цусимскомъ бою, въ которомъ былъ тяжело раненъ въ спину и руку, затѣмъ попадаетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Въ началѣ 1906 года онъ возвращается въ Россію и плаваетъ вахтеннымъ начальникомъ на крейсерѣ „Память Азова" и штурманомъ на эск. мин. „Уссуріецъ". Въ 1907 г. производится въ лейтенанты и по 1909 г. плаваетъ на охранномъ катерѣ № 2 Царской Охраны въ Петергофѣ. Въ 1910 назначается ревизоромъ кан. лод. „Карсъ", а въ 1911-12 г. — ревизоромъ кан. лод. „Хивинецъ", на которомъ уходитъ въ заграничное плаваніе въ Средиземномъ морѣ. Въ 1913 князь поступаетъ въ Николаевскую Морскую Академію, а съ началомъ войны 1914 г. производится въ стар. лейтенанты и переводится въ Черное море, гдѣ сначала назначается стар. офиц. эск. мин. „Капитанъ-лейтенантъ Барановъ", а затѣмъ получаетъ въ командованіе эск. мин. „Живучій". Въ 1916 г., произведенный въ кап. 2 ранга, онъ назначается флагъ-офицеромъ оперативной части штаба Командующаго Черноморскимъ флотомъ, а въ 1917 г. — командиромъ вспом. крейсера „Императоръ Троянъ", на которомъ его и застаетъ революція.

Дальнейшая его служба разнообразна: штабъ-офицеръ для порученій Н-ка Штаба Управленія флотомъ; Командующій Волжко-Камской Флотиліи Астраханскаго Краевого правитель-

ства; флагъ-капитанъ 2-го Рѣчного отряда („Донецъ", „Бугъ" и „Днѣстръ"); командующій Охранной флотиліей озера Гогча (Армянской республики), съ іюня 1919 г. — начальникъ „Отдѣла Морской Контръ-развѣдки всѣхъ портовъ Чернаго моря". Въ 1920 г. князь производится въ капитаны 1 ранга и назначается комендантомъ транспорта „Россія", на которомъ и эвакуируется въ Константинополь, куда, съ другимъ пароходомъ, прибываетъ и его семья.

Изъ Константинополя князь сначала переѣзжаетъ в Югославію, а оттуда, въ 1924 г., въ Уругвай, а въ 1925 — въ Парагвай, гдѣ поступаетъ на военно-морскую службу морскимъ техникомъ и много лѣтъ преподаетъ въ военно-морскомъ училищѣ.

Въ 1936 году князь принимается на службу въ Парагвайскій флотъ съ чиномъ капитана 2-го ранга (Capitan de Fregata) и принимаетъ участіе въ войнѣ Парагвая съ Боливіей, производя гидрографическое изслѣдованіе рѣкъ Парагвая и разрабатывая минную защиту ихъ во время войны.

Послѣдніе годы князь Язонъ Константиновичъ состоялъ совѣтникомъ Морской Префектуры.

Князь былъ награжденъ всѣми русскими боевыми орденами, вплоть до Владимира 4-ой ст. съ мечами и бантомъ, Черногорскимъ орденомъ Св. Даніила и Парагвайскимъ за участіе въ войнѣ съ Боливіей. Въ числѣ медалей, князь имѣлъ весьма рѣдкую — въ память похода 2-ой Тихоокеанской эскадры вокругъ Африки.

Въ Парагваѣ князь находитъ свою новую родину и пользуется престижемъ и довѣріемъ въ морской префектурѣ и любовью и уваженіемъ всѣхъ кто его зналъ. Въ то же время князь принимаетъ дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни русской колоніи. Съ 1939 по 1954 онъ состоялъ Уполномоченнымъ Главы Россійскаго Императорскаго Дома въ Парагваѣ, однимъ изъ строителей православнаго храма въ Ассунціонѣ, учредителемъ русской библіотеки, почетнымъ вице-предсѣдателемъ „Очага Русской Культуры и Искусствъ и членомъ исторической комиссіи О-ва Офиц. Росс. Имп. Флота въ Америкѣ.

Совершенно необходимо отмѣтить литературную дѣятельность князя Язона Константиновича, автора цѣлаго ряда талантливыхъ очерковъ, разсказовъ и воспоминаній на морскія темы. Прекрасно владѣя литературнымъ русскимъ языкомъ,

умѣя подмѣчать человѣческія слабости и обладая безобиднымъ юморомъ, его разсказы всегда увлекательны и читаются съ большимъ интересомъ. Какъ морской писатель князь безусловно стоитъ на равнѣ, если не выше, Станюковича, Вл. Семенова и другихъ.

За послѣдніе годы въ „Морскихъ Запискахъ" были напечатаны слѣдующія статьи князя Язона Константиновича:

(1) „Въ японскомъ плѣну", 1944, № 2, (2) „Контрабандисты", 1945 № 2, (3) „Джекъ", 1945 № 1, (4) „Адмиралъ Гринъ" 1945, № 3, (5) „По Адріатикѣ", 1946, № 1 и 2, (6) „Проишествіе на о-вѣ Нукагива", 1946 № 3/4, (7) „Недоразумѣніе" 1947, № 1, (8) „Португалецъ", 1947, № 4, (9) „Эскимосъ" 1948, № 3/4, (10) „На Уссурійцѣ", 1949 № 3/4, (10) „Типота", 1950 № 2, (11) „Какъ русскій морской офицеръ помогалъ Парагваю воевать съ Боливіей", 1953, № 3, 1954 — № 1 и 2, (12) „Къ 100-лѣтію Крымской кампаніи", 1955 № 1 и 2/3.

При посредствѣ „Морского Журнала" въ 1930 г. въ Прагѣ была издана книга (№ 14 Рус. Мор. Заруб. б-ки) (13) „Мичмана на войнѣ", 238 стр. Въ газетѣ „Время", Буйносъ Айресъ были напечатаны: (14) „Исторія дѣдушки Чилійскаго флота, русскаго фрегата „Патрицій" (15) „Адмиралъ Гринъ", (16) „Штормъ", (17) „Мичманъ Машкинъ", (18) „Морякъ поневолѣ".

Неопубликованные труды въ архивѣ О. О. Р. И. Ф. А.: (19) „Скорбная повѣстъ" — 360 стр., (20) „Чистая кровь" — 4 стр., (21) „Свадьба" — 30 стр., (22) „Въ докѣ. Лото" — 11стр.

Болѣзнь князя Язона Константиновича была замѣчена лѣтъ 6-7 тому назадъ и, несмотря на 3 операціи не поддавалась лѣченію. Въ послѣдніе мѣсяцы даже операціи не могли больше помочь.

Князь оставилъ, какъ среди русскихъ, такъ и среди парагвайцевъ теплую память, и не было человѣка среди его знакомыхъ кто бы не горевалъ о его смерти.

Проводить покойнаго собралась вся русская колонія и представители Парагвайскаго и русскаго флота. Гробъ былъ покрытъ Андреевскимъ флагомъ. Передъ погребеніемъ на русскомъ кладбищѣ, представитель парагвайской морской префектуры отмѣтилъ заслуги покойнаго въ войнѣ с Боливіей.

Послѣ покойнаго осталась вдова, княгиня Надежда Владиміровна и дочь, Ксенія Язоновна

Еще одинъ изъ морскихъ офицеровъ до-Цусимскаго времени отошелъ въ вѣчность...

Printed by All Slavic Publishing House
33 Bond St., New York 12, N. Y.